

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Убийственные
мемуары

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Убийственные мемуары

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Убийственные мемуары / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

В своей квартире убит выдающийся советский и российский разведчик, мастер политических авантюр и перевоплощений Валентин Ракитский. Некогда он работал за границей вместе с нынешним президентом России. В ходе расследования этого вопиющего по своей наглости преступления, которое ведет следователь Генеральной прокуратуры Турецкий, выясняется широкий круг интересов Ракитского: он был незаурядным финансистом, отлично разбирался в живописи и собрал приличную коллекцию, а в последнее время даже увлекся литературным творчеством. Какое из этих направлений окажется плодотворным для следствия, не знает никто, кроме... убийцы.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	36
-----------------------------------	----

Бездарен не тот, кто не умеет писать повестей, а тот, кто пишет и не умеет скрывать этого.

А. П. Чехов

«...Приказ есть приказ, он не обсуждается, и вот в июле 1976 года „боингом“ чартерного рейса бельгийской авиакомпании я прилетел из Йоханнесбурга в Антверпен. Кто знает, возможно, я был тогда в ЮАР единственным русским. А впрочем, тогда, по легенде, я был канадским горным геологом и в этом своем качестве возглавлял в Йоханнесбурге маленькую фирму, занимавшуюся геологоразведкой и шахтным проектированием.

Фирма с трудом сводила концы с концами и, когда зимой 1975 года я сменил на посту директора (а точнее, временного зиц-председателя, хотя, с другой стороны, какие еще бывают зиц-председатели?), шестидесятипятилетнего, окончательно уставшего от Африки инженера Биркенгофа, находилась практически на грани банкротства. В мою задачу входило поставить ее на ноги. Возникает резонный вопрос: почему же тогда Антверпен, Бельгия – фирма-то ведь в Африке, в Йоханнесбурге? Фирма, конечно, была в Йоханнесбурге. Но с тех пор как в 1888 году за баснословную сумму, в пять миллионов фунтов стерлингов, был выкуплен алмазный рудник в Кимберли и на свет появилась компания «Де Бирс консолидейтед майнс», именно она заправляет всем и вся в алмазоносном бассейне реки Оранжевой. И получить заказ на геологическую разведку или, скажем, проект реконструкции (читай – модернизации) алмазного рудника даже маленькой, захиревшей фирме можно было, только заручившись поддержкой влиятельного человека из «Де Бирс». Вот я и отправился в Антверпен, где и поныне расположена штаб-квартира всемирно известной компании. Я рассчитывал встретиться с Ойнером ван Хойтеном – человеком, которому буквально в сентябре того же, 1976 года предстояло возглавить йоханнесбургский филиал «Де Бирс». Ван Хойтену было тогда сорок четыре года. Законопослушный, глубоко верующий, не слишком интересующийся политикой – таков портрет этого стопроцентного буржуа. Также стоит добавить: разумеется, идеальный семьянин и любящий отец, он безумно любил жену Маргарет, а единственную дочь Хелену (ей тогда было двадцать два) просто боготворил. Ван Хойтен не так уж быстро, но довольно уверенно поднимался по карьерной лестнице. Не шагал по головам, не пользовался недозволенными методами, не злоупотреблял служебным положением, в общем и целом – был идеальным менеджером солидной компании. И все-таки я надеялся, что сумею подобрать к нему ключик.

26 июля ван Хойтен в своем роскошном особняке устроил большой и пышный прием – решил отметить свое новое назначение. Гости было около трехсот человек, и мне не без труда удалось попасть в их число. К счастью, я был знаком с торговым атташе юаровского посольства в Бельгии Йоханом Крюгером, который также оказался в числе приглашенных, и ненавязчиво попросил его представить меня ван Хойтену. С бокалами шампанского мы вышли на не занятый гостями балкон, немного поговорили о пустяках, после чего Крюгер оставил нас наедине, и я, не особо напирая, между делом пожаловался ван Хойтену на трудности, которые испытывает мой бизнес в Южной Африке. Ван Хойтен, как радушный хозяин, вежливо выслушивал мои сетования, но эти проблемы были явно ему неблизки. И пожалуй, разговор так и остался бы пустой болтовней, если бы в тот момент, когда я, видя, что только жесткие рамки приличия не позволяют хозяину сменить мое общество на общение с более интересным собеседником, подыскивал очередную фразу-жалобу, не появился дворецкий ван Хойтена с телефонной трубкой в руках.

– Ваша дочь, сэр, – склонившись в подобострастном поклоне, сообщил дворецкий, и ван Хойтен, извинившись передо мной, ответил на звонок.

Я из элементарных правил приличия отступил на десять шагов, но уходить не торопился. Мне нужно было все-таки добиться от ван Хойтена обещания посодействовать, хотя бы намек на обещание. И этого в тот момент было бы достаточно: ван Хойтен свои обещания выполнял

всегда, а я твердо знал, что он именно тот человек, который в силах мне помочь. Я делал вид, что полностью поглощен изучением пузырьков в своем бокале, но лицо ван Хойтена исказила такая гримаса, что это невозможно было не заметить. Обычный, нормальный человек на таком расстоянии, разумеется, не смог бы уловить чужого разговора, но ко мне это не относилось. Его дочь что-то явно кричала в трубку. Слов, к сожалению, разобрать я не мог, но по обрывкам звуков смог предположить, что она чем-то расстроена. Ван Хойтен, видимо, не понимал, о чем она говорит, потому что попросил ее повторить все еще раз. Он слушал, и лицо его все больше и больше вытягивалось. Теперь он был не столько удивлен, сколько напуган. Он, видимо, утратил контроль над собой, потому что переспросил довольно внятно:

– Трупы?! Наркотики?!

И тут же спохватился, вымучил на лице улыбку, но она вышла настолько жалкой, что никого не способна была обмануть. Его дочь попала в какие-то серьезные неприятности. И, как видно, совершенно неожиданные неприятности. Короче, ван Хойтен был просто в шоке.

– Обязательно приеду, обязательно! – сказал он и отключился. – Извините, я вынужден вас оставить, – сказал он мне и, сделав шаг, покачнулся, схватившись за сердце.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросил я, поддерживая его под локоть.

Он снова вымученно улыбнулся и попытался уверить меня, что все в порядке:

– Просто семейные неурядицы.

– Это ваш семейный стиль? С трупами и наркотиками? – небрежно уточнил я. – Извините, так уж получилось, что я услышал обрывок вашего разговора. Обещаю, что все услышанное забуду тут же, не сходя с места. Но все же... все же, может, позвольте мне вам помочь?

– Я справлюсь... – Он беспомощно вертел в руках телефонную трубку, конечно же не зная на самом деле, что делать.

Дворецкий ушел сразу же, едва только сообщил о звонке, на балконе мы были одни. Не будь ван Хойтен так напуган, возможно, он сочинил бы для меня вполне правдоподобную историю о проблемах своей дочери, но в тот момент он явно был на это неспособен и в отчаянии, не помня себя, просто выпалил правду:

– Хелена, моя дочь, сейчас находится в какой-то запертой квартире! В соседней комнате три трупа и чемодан с героином! Она не знает, что делать, не может выбраться, боится звонить в полицию... Ее видели соседи, и она думает, что они уже вызвали полицию.

– Это наверняка какое-то недоразумение... – заметил я.

– Конечно, – обрадовался ван Хойтен. – Каро, шеф полиции Антверпена, как раз сейчас здесь, я немедленно попрошу его во всем разобраться! Конечно же, как я раньше не подумал?!

– А если это все-таки не недоразумение? – небрежно предположил я. – Или если прояснить его окажется не так просто? Или если ваша дочь окажется замешана в нем всерьез?

Ван Хойтен тут же снова сник:

– Я должен сам поехать и забрать ее...

– У вас гости. Они заметят ваше отсутствие. Давайте я это сделаю.

Он изумился:

– Вы?

– Почему бы и нет?

– А если вас тоже арестуют? Ради спасения чужой дочери вы согласны так рисковать?!

– У меня тоже есть дети, – вдохновенно сообщил я. Это было правдой, но только в единственном числе.

Ван Хойтен замер в нерешительности. Было заметно, что он очень хотел бы разделить со мной груз ответственности, но все те же пресловутые приличия не позволяли ему просить о помощи.

– Говорите, где это, и я еду, – прервал я его размышления и облегчил ситуацию.

Он назвал мне адрес рядом с парком Альберта, в двух шагах от гостиницы «Фирейн», в которой я остановился, но, когда я уже был в дверях, схватил меня за руку:

– Бесполезно! Даже если вы увезете ее, полицейские проследят телефонный звонок из той... квартиры мне – и все равно расследования не избежать.

– Я и это улажу, – пообещал я. – Как, вы сказали, зовут шефа местной полиции, Каро? Я позвоню ему сюда и сообщу о трупах и героине, но скажу, что звоню с той самой квартиры. Таким образом, вы и объясните ваш номер в списке звонков с того телефона. А ваша дочь, скажем, звонила из какого-нибудь кафе. Есть кафе, или бар, или дискотека, которые она посещает регулярно?

– Да, конечно-конечно...

– Идите к гостям и постарайтесь выглядеть веселым и естественным. Все будет хорошо, – подбодрил я его на прощание.

Дочь ван Хойтена, рыженькую толстушку Хелену, я увез в бар «Зеленая корова» буквально за минуту до приезда полиции. Отпечатки ее пальцев там, где они могли остаться, я, конечно, стер, но несколько фотографий миниатюрной скрытой фотокамерой на всякий случай сделал: Хелена на фоне трупов и рядом с чемоданом. Подкрепившись тремя порциями виски без льда и воды и уверившись в том, что я действительно друг ее отца, девушка рассказала, как попала в такую переделку. Разумеется, ни к наркотикам, ни к убийствам она не имела никакого отношения. Она вела самостоятельную жизнь, работала в музее народного искусства и этнографии. Примерно две недели назад к ней обратился некий американский коллекционер Алекс Маленс, родившийся и проводивший детство в Бельгии и пожелавший передать их музею часть своей коллекции старинных марионеток. Хелена несколько раз с ним встречалась, он показывал ей каталог своей коллекции. Этим вечером они должны были окончательно обговорить условия и сроки передачи коллекции, которая как раз плыла в Антверпен морем из Штатов. Но вместо коллекционера Маленса по указанному им адресу девушка обнаружила базу наркоторговцев. В квартире оказалось три трупа и не менее трех килограммов героина. А дверь, оказавшаяся незапертой, когда она пришла, захлопнулась за ней и по какой-то роковой случайности изнутри не открывалась... Через два часа я отвез девушку домой, а следующим вечером отец посадил ее на круизный лайнер и отправил в многомесячное кругосветное путешествие.

Ван Хойтен организовал для меня и моей фирмы самые выгодные контракты. «Геологоразведка» на северных границах ЮАР и в Намибии очень помогла нашим ангольским друзьям. Заработанные нами немалые деньги не имели свойства прилипать к рукам моим и моих товарищей и практически полностью уходили в кассу АНК (Африканского национального конгресса), потому что каждый из нас, делавший свое дело, понимал, что все должно быть подчинено главной цели. Вопрос личного благосостояния стоит на последнем месте, а в идеале и вовсе возникать не должен. А если стараться исключительно для себя – это дорога в никуда, которая рано или поздно закончится тупиком, а может быть, и обрывом.

Но главное, что я хотел сказать, вспоминая историю моей первой встречи с ван Хойте-ном: если желаешь достичь ощутимых результатов, и не только в бизнесе, не стоит экономить на мелочах, не нужно суетиться, форсировать события и ждать немедленных дивидендов от каждой вложенной копейки. Если, конечно, действительно ждешь ощутимых результатов. Ведь и фирма в Йоханнесбурге, начиная от ее регистрации на территории Канады с последующим переездом в ЮАР, и мой визит в Антверпен, и попадание дочери ван Хойтена в квартиру с наркоторговцами, и последующее чудесное спасение от полицейского разбирательства – плод длительной и кропотливой работы многих людей. Каждый исполнил свою маленькую роль: и «американский коллекционер» Миша Фрайберг, и Андрей Иванов, не забывший вовремя «обрадовать» Каро, и те ребята, что избавили мир от троих негодяев наркоторговцев, и те, кто безошибочно рассчитал слабые места ван Хойтена, и те, кто надежно страховал меня во время

операции спасения Хелены. Имен многих работавших в рамках той операции я по понятным причинам назвать не могу, но все они честно и профессионально сделали свое дело...»

18 октября

Небо было серое, как асфальт, погода намечалась мерзкая, настроение отвратительное, печень покалывала, и жизнь не удалась. С утра Турецкий выпил не три, как водится, а четыре чашки кофе, пытался себя взбодрить, и все безуспешно, а ведь ему надо было сегодня присутствовать на расширенной коллегии Генеральной прокуратуры, и не просто присутствовать, а возможно, даже выступать. Впрочем, это было одно название – расширенная коллегия. На самом деле коллегия была как коллегия: генеральный, его заместители и узкая группа следователей Управления по расследованию особо важных дел. Ни председателя Верховного суда не позвали, ни представителей ФСБ, ни ДИС, ни – из других карательных и фискальных органов. Расширенной же она стала по причине присутствия одного только человека – президента. Турецкий в числе еще нескольких избранных знал, что он приедет, – Меркулов предупредил. Турецкий не видел президента лично, было только общение по телефону в истории с пропажей собаки и вакциной черной оспы,¹ и ему любопытно было, обозначит ли как-то первое лицо государства, что называется, на людях факт их знакомства. Все же забыть его он никак не мог.

Президент появился без двух минут десять, когда ждали-то уже, собственно, только его. В противном случае генеральный давно уже, не глядя поминутно на часы, начал бы совещание. Турецкий обратил внимание, как президент снял пальто и повесил его в воздухе за спиной. Рука верного помощника пальто молниеносно подхватила. С некоторых пор, между прочим, у них ввели новый регламент: генеральный распорядился, чтобы перед началом заседания играли новый старый гимн. Это было патриотично и модно. На этот раз, однако, вышел небольшой конфуз. После окончания гимна генеральный решил, что надо поаплодировать, и хлопнул было в ладоши, но оказалось, что президент уже протянул ему ладонь для рукопожатия. Тогда генеральный сбился с ритма и тоже протянул руку, но оказалось, что президент, решив подчиниться заведенному, как он решил, порядку, уже тоже захлопал, короче говоря, легкая неразбериха – отметил про себя Турецкий, да и не он один. Вид у президента был, как обычно, холодноватый, немногочисленные волосы тщательно расчесаны один к одному, глаза не улыбались, голубой костюм сидел без малейшей морщинки. Президент вежливо выслушал доклад Меркулова, несколько формальных к нему замечаний генерального и, наконец, решил вмешаться...

Но что такое коллегия, в самом деле? Турецкий специально накануне попросил Мишку Федоренко заглянуть в энциклопедический словарь и теперь протирал штаны с чувством долга, потому что обладал необходимыми знаниями. Коллегия – это:

группа лиц, образующих руководящий, совещательный или распорядительный орган (например, коллегия министерства, судейская коллегия);

добровольное объединение лиц одной профессии;

название высшего правительственного учреждения в России восемнадцатого века;

название некоторых учебных заведений в России восемнадцатого – начала двадцатого века.

Ну учебное заведение нам не подходит, решил Турецкий, хотя, конечно, жаль. Но не подходит так не подходит. Правительственное учреждение двухсотлетней давности – тоже проехали. Остается два варианта: руководящий орган или добровольное объединение. По факту коллегия Генпрокуратуры, конечно, руководящий орган, ну а по сути – добровольно-принудительное объединение...

Вмешался президент решительно и надолго. Все даже несколько оторопели: президент говорил около часа. Турецкий решил, что это больше похоже на доклад Федеральному собра-

¹ См. роман Ф. Незнанского «Поражающий агент» (М., 2002).

нию, чем на такое формальное событие, как заседание коллегии Генпрокуратуры. Президент обрушился на руководство Генпрокуратуры с убийственной, мягко говоря, критикой. Как говорят в таких случаях в теленовостях, «он, в частности, сказал», что за прошлый год семь тысяч семьсот умышленных убийств остались нераскрытыми. И еще сто тысяч иных тяжких преступлений. Президент говорил по бумажке, но от этого не менее эмоционально. Иногда, если фраза была длинной и переходила со страницы на страницу, президент поднимал глаза и говорил: «Ни в коем случае нельзя сидеть сложа руки, шевелиться надо, шевелиться!» Президент твердо знал, что хотел сказать. Работники Генпрокуратуры слушали не шелохнувшись. Звук «э-э-э» между словами прозвучал всего однажды, когда глава государства переворачивал страницу.

Самое неприятное, что о таком камерном мероприятии, как заседание коллегии, оказались осведомлены журналисты. Впрочем, ничего удивительного, пресс-служба президента уведомила крупнейшие СМИ, что глава государства собирается сделать заявление прямо на ступеньках дома на Большой Дмитровке. Об этом Турецкому сообщил знакомый журналист из ИТАР-ТАСС, Андрей Игнатьев. Турецкий ни с кем не поделился этой информацией, потому что догадывался, какого рода заявление намерен сделать президент. Да и что тут можно было изменить? После недавних непопулярных, как показывал рейтинг, действий в Чечне, перестановок в правительстве и малопродуктивных поездок по Европе президенту нужен был красивый популистский шаг, и смена нынешнего генерального прокурора было именно то, что надо. А то, что президент сперва посетил заседание коллегии, после чего буквально на открытом воздухе задумал убрать генерального, добавляло в его облик дополнительной динамичности. Кто там знает, о чем говорил рейтинг, чего не хватало президенту, может, именно динамичности.

Так или иначе, но, закончив выступление, он встал, протянул руку назад, и из воздуха появилось пальто. Ни с кем персонально не прощаясь, но вдруг встретившись взглядом с Турецким, президент двинулся к выходу. Турецкому показалось, что, глядя ему в глаза, президент прищурился, или, может, это была улыбка? Никакого вывода сделать он не успел, потому что президент уже отбыл, генеральный его сопровождал до выхода из здания. Что было дальше, оцепеневший Турецкий видел, как и все остальные присутствующие, по монитору, показывавшему, что происходит у выхода из Генпрокуратуры, и одновременно – по телевизору, который предусмотрительно включил Меркулов, потому что тут же президент появился в прямом эфире РТР. Вот он стоит на крыльце – импровизированная пресс-конференция, к которой растерянный генеральный был явно не готов. В журналистской толпе мелькнула знакомая физиономия Игнатьева. Хана генеральному, подумал Турецкий, без особого, впрочем, сочувствия. Засиделся, в самом деле, его предшественники менялись с периодичностью не реже чем раз в год. Одно хорошо – выступать так и не пришлось.

А впрочем, Турецкому сейчас все это было до лампочки. Он мечтал об отпуске. С отпуском его динамили полгода. Турецкий предполагал нечто подобное, поэтому проситься начал еще в середине весны, но оказалось – все равно опоздал. Теперь, в середине октября, он уже не надеялся застать где-нибудь бархатный сезон, но ведь есть же на свете, в конце концов, Анталия, и если собраться с силами, в смысле со средствами... Сперва, правда, надо было закончить с убийством Крапивина, мэра подмосковного Озерска.

Крапивина взорвали месяц назад в служебной «Волге». Пока «Волга» стояла на перекрестке в ожидании зеленого света, мимо нее пробежал человек, бросивший через опущенное боковое стекло гранату прямо на колени мэру. Выскочить не смог ни сам мэр, ни его водитель, который вообще, наверно, не успел ничего понять. Свидетелей, которые могли бы составить словесный портрет бомбометателя, не нашлось.

Прямых улик по этому делу ни против кого не было. Впрочем, глава районной администрации Озерска господин Талеев и директор ЗАО «Зеленая улица» господин Онищенко уже давно взяты под стражу и не сегодня завтра, глядишь, и признаются, что присвоили 1,5 мил-

лиона из 3,8 миллиона рублей, выделенных из областного бюджета для приобретения жилья медицинским работникам города Озерска, где уже несколько лет функционирует один из крупнейших в стране, укомплектованный ультрасовременной аппаратурой кардиологический центр. А если Талеев с Онищенко признаются, то тут прямой мотив к убийству Крапивина, который эту аферу раскопал и даже кое-какие документы в Генпрокуратуру отослать успел, о чем ни Талеев, ни Онищенко, к счастью, не догадываются. Они лишь знали, что Крапивин пронюхал о махинации, но договориться с ним не смогли. Там вообще любопытная цепочка получается. Двоюродным племянником Талеева является некий Виктор Заминайло, в недалеком советском прошлом вице-чемпион Европы по вольной борьбе, а ныне – вор в законе Мятый. Два года назад Мятый получил срок за хранение наркотиков, а полгода назад бежал из мордовской колонии и с тех пор находится в федеральном розыске. Конечно, у нас дяди за племянников не отвечают, но если факт тщательно скрываемой родственной связи подтвердится, то Талеева можно будет прижать уже основательней...

Эту неожиданную информацию Турецкий получил от Славы Грязнова и держал как козырного туза в рукаве. Мятый в Озерске никогда не жил, но через подставных лиц приобрел там солидную недвижимость, которая, по сведениям Грязнова же, составляла главную часть общаковой кассы ореховской бандитской группировки, к которой и принадлежал Мятый-Заминайло. Таким вот, значит, способом бандюки теперь стали хранить свои трудовые сбережения. Мятый-Заминайло и ореховской группировкой Вячеслав Иванович Грязнов занимался четыре последних года – то нащупывая новые ниточки, то хватая руками воздух. Он держал Турецкого в курсе событий, справедливо предполагая, что, как уже не раз бывало, координация гипотетических усилий МУРа и Генпрокуратуры может дать неожиданный результат. Турецкий не без удовольствия выслушивал долгими зимними вечерами байки о похождениях храбрых муровских сыщиков, без усталости бредущих по следу ореховских братков, но помочь до сей поры ничем не мог. И вот теперь, если бы удалось доказать непосредственную финансовую связь главы районной администрации Озерска Талеева со своим криминальным племянником, то дело могло принять совсем иной оборот, потому что были там и другие любопытные подробности...

Тем временем президент поднял руку: попросил внимания – и подошел к микрофону. Он успел сказать только три слова:

– Нам нужен порядок! – После этого замолчал, удивленный явным нарушением субординации и этикета: невидимый прежде помощник вдруг материализовался и отчаянно жестикулировал мобильным телефоном. Эти кадры потом обошли крупнейшие телекомпании мира. Президент подумал еще несколько секунд и отошел от микрофона, ровно настолько, чтобы помощник смог, не попадая больше в кадр, что-то ему передать. Потом президент снова подошел к микрофону. – К несчастью, – сказал, он немного пожевав губами, как он делал обычно, импровизируя в прямом эфире, – к несчастью, мне выпала сомнительная честь озвучить одно печальное событие. Сегодня утром в своей квартире был убит ветеран Департамента иностранной службы генерал-лейтенант Валентин Николаевич Ракитский. В этой связи хочу сказать, что, поскольку речь идет о представителе спецслужб и по правилам расследовать его должен следственный аппарат этой спецслужбы... – президент посмотрел на бледного генерального прокурора и поднял палец, – этим делом будет заниматься Генеральная прокуратура. Это все.

Генеральный прокурор сделал шаг назад, оперся о серый облицовочный гранит, но все равно медленно сполз на землю. Все телекамеры миглом забыли о президенте и снимали эту уникальную картину в разнообразных ракурсах. Но поскольку генеральный находился в «зоне жизненного пространства президента», к нему никто не посмел сунуться, а президент догадался повернуться далеко не сразу, то четверть минуты потерявший сознание пожилой человек лежал у него за спиной.

Позднее, когда генерального уже увезли в ЦКБ с сердечным приступом, когда схлынула вторая волна журналистов, когда всем сотрудникам прокуратуры по нескольку раз позвонили жены, когда пришлось отключить все телефоны, включая мобильные, Константин Дмитриевич Меркулов, возобновивший в отсутствие генерального заседание коллегии, объяснил подоплеку такого решения президента – почему расследование будет вести не ФСБ и не ДИС:

– Все очень просто. Разумеется, это нигде озвучено не будет, но... необходимо исключить возможность того, чтобы одна спецслужба покрывала другую.

– А такая возможность есть, что ли? – зло спросил Турецкий. – Иначе говоря, есть подозрение, что в гибели сотрудника Департамента иностранной службы виновато само упомянутое ведомство? Имеется уже такая версия?

– Александр Борисович, – сухо ответил Меркулов, – никто так не думает. И ни у кого не имеется такой версии – хотя бы потому, что вообще еще никакой версии не имеется. Но в подобной ситуации правила хорошего тона требуют порекомендовать следствие другому ведомству. Президент поступил вполне разумно. И хочу обратить ваше внимание, сколь оперативно он принял это решение. Такой оперативности нам всем не хватает.

– И динамичности, – буркнул Турецкий.

– И динамичности, – согласился Меркулов. – Надеюсь, что в самое ближайшее время, господин Турецкий, вы сможете нам продемонстрировать подобное отношение к делу. Это расследование будете вести вы. Сформируете группу по своему усмотрению.

Турецкий даже привстал от неприятного изумления и только рот открыл. Ну, Костя, такую свинью подложить!

– А как же убийство Крапивина?! – спохватился он. – Я же связан по рукам и ногам! Там же хлебать не расхлебать!

– Останется при вас, Александр Борисович, – успокоил Меркулов.

– А как с правовой точки зрения? – подал голос кто-то из коллег-«важняков».

– Согласно закону, генеральный прокурор может принять к производству любое дело, изъяв его из следственных аппаратов ФСБ, МВД и так далее. Господа юристы, – подытожил Меркулов, – это все.

Турецкий был настолько обижен на приятеля, что, не вступая больше с Меркуловым ни в какие переговоры, тут же отправился на место преступления. Собственно, пока что он даже не знал – преступления ли. Может, происшествия? Убили Ракитского или это был несчастный случай, предстояло еще разобраться. Турецкий был настолько зол, что молча кивнул Мишке Федоренко – своему помощнику, экс-следователю районной Бабушкинской прокуратуры, которого он переманил к себе полгода назад после успешной стажировки в Генеральной, и все еще был этим фактом доволен. Мишка, толстый увалень, умудрялся перелопачивать такие объемы черновой работы, какие другим «важнякам» и не снились. Даже Грязнов давно уже обзавидовался. Мишка, мигом уловив настроение шефа, сам сел за руль. Ехать было всего ничего – в Плотников переулочек. Там, в доме сталинской постройки, дислоцировалась скромная четырехкомнатная квартира Ракитского.

Турецкий, естественно, не знал логику рассуждений президента, собиравшегося снимать генерального прокурора, но поменявшего свое решение в считанные секунды. Он не знал, что творилось в голове у другого человека, но предположить, конечно, мог. Во-первых, надо было немедленно показать всем, что, несмотря ни на что, в Датском королевстве все спокойно. Во-вторых, вполне достаточно было скандала в одном ведомстве: внезапная смерть бывшего разведчика (хотя разведчики, как известно, бывшими не бывают) и так наделает шороху – мало не покажется.

Что касалось самого генерала Ракитского – Турецкий пару раз видел его и даже был с ним формально знаком. Однажды, полгода назад, их представили друг другу на каком-то приеме,

на который Меркулов силой его (Турецкого) затащил, а пару месяцев спустя Турецкий еще раз столкнулся с Ракитским в Лужниках, на футбольном матче «Торпедо» – «Уралан». Ракитский кивнул первым, – значит, узнал – ну еще бы, профессиональная память – и направился, Турецкий специально проследил это, в VIP-ложу. А «Торпедо» бездарно проиграло, что, как водится, объяснили сменой поколений игроков.

Вообще же впечатления остались расплывчатые. Турецкий, тоже обладавший неплохой зрительной памятью, теперь с удивлением отметил, что запомнил лишь высокого, крепко сбитого седого мужчину с внешностью типичного дипломата, то есть, на самом деле, вообще без внешности. Такой легко затеряется в любой толпе, одень только его соответствующим образом.

Турецкий открыл простую картонную папку с тесемочками, на которой корявым Мишкиным почерком было написано «Ракитский». Это были формальные биографические сведения, которые Федоренко успел собрать. Потом их будет гораздо больше, образ покойного чекиста обрстет нужными и ненужными подробностями, которые позволят составить объемный портрет, но и отношение к нему уже станет более субъективным, на Турецкого вольно или невольно будут влиять источники информации, так что первоначальная скудость информации пока что даже и к лучшему. Итак.

Ракитский Валентин Николаевич, шестьдесят два года. Генерал-лейтенант в отставке, последнее звание получил, когда его отправляли на пенсию. Еще год назад – заместитель директора Департамента иностранной службы, то есть того самого что ни на есть засекреченного заведения, где обретаются и воспитываются шпионы. Родился в Москве, в семье горного инженера. Два высших образования – Горный же, кстати, институт и МГИМО. Многолетняя работа за рубежом. Уже десять лет, как разведен. С бывшей супругой отношений не поддерживал. Через полгода после развода Виктория Павловна Ракитская снова вышла замуж, и теперь она – Левченко, супруга крупного врача-невропатолога. Ракитская-Левченко моложе своего бывшего мужа на пятнадцать лет, живет в Санкт-Петербурге. Ракитский больше не женился, интересно, сказалось ли это как-то на его карьере. У Ракитского есть взрослая дочь, Ольга, двадцать девять лет, не замужем, детей нет, биолог-аспирант и преподаватель МГУ, сейчас она, несмотря на самый что ни на есть учебный сезон, – за границей, отдыхает с приятелем на Кипре. Увлечения самого Ракитского были самые разносторонние. Да и что одно можно выделить, в самом деле, у человека, который знал восемь языков?! Ну рыбная ловля (вся кладовка удочками и рыболовными снастями была забита). Антиквариат, живопись. Футбольный болельщик, кстати со стажем, за «Торпедо» болел, еще со стрельцовских времен. Домашних животных, птичек, рыбок и прочих гадов не держал. Особенно близких друзей не было. А может, и были, предстоит выяснить. Любовница? Неизвестно. Одно слово – шпион. Вернее, разведчик, поправил себя Турецкий, шпионы – это у них, у нас – разведчики. Работал в Африке, Бельгии, ГДР. Что еще? Правительственных наград – вагон и десять маленьких тележек, включая награды иностранных держав, что для дипломата его, в общем-то, небольшого ранга (выше второго секретаря посольства он никогда не поднимался) нехарактерно. Дважды Ракитский представлялся к званию Героя – Советского Союза и России. Оба раза не получил. Тот еще, короче, дипломат.

Притормозили немного заранее, возле котельной, потому что дальше негде было припарковаться. Возле подъезда дома, выходящего на старый Арбат, точнее – напрямиком к памятнику Окуджаве, уже стояли несколько машин, в одной из них, «Ауди А6», сидели двое мужчин в штатском, которые при появлении «Волги» Турецкого выбрались наружу. Один – шатен, второй – лысоватый, но не полностью, а на макушке, на манер Зинедина Зидана. Шикарная машина, однако, подумал Турецкий, сотня моих зарплат, не меньше.

– Александр Борисович? – спросил рыжеватый и, не дожидаясь подтверждения, представился: – Подполковник Кузнецов, – кивок на лысоватого, – полковник Ватолин. – Ватолин

молча поклонился. – Мы работали с Валентином Николаевичем до его отставки. Можете нами располагать.

Неплохо, подумал Турецкий, и искать субчиков не придется, на ловца и зверь бежит. Хотя кто тут зверь, а кто ловец – поди разберись. Кузнецов – нормальная фамилия для разведчика.

– Как вас зовут? – Турецкий протянул ладонь.

– Георгий Иванович, – сказал Ватолин приятным баритоном.

– Антон Николаевич, – отрекомендовался Кузнецов, – лучше просто Антон. Мы узнали о случившемся всего час назад – и вот места себе не находим. Мы, конечно, понимаем, Александр Борисович, что это ваше расследование и у вас все полномочия, но ведь вам непременно понадобится наша помощь, так что же время тянуть...

Ватолин кивнул в знак согласия.

Просто Антону было не больше тридцати пяти, а лысоватому Ватолину – под пятьдесят. Все вместе они уже поднимались в лифте на шестой этаж. Лучше держать их в поле зрения, подумал Турецкий, так оно безопаснее. Федоренко, разумеется, был рядом.

В квартире помимо трупа были три эксперта-криминалиста, участковый милиционер и грязновский оперативник, снимавший показания с участкового. Соседа, собственно, и обнаружившего труп, он уже отпустил. Турецкий поздоровался и жестом показал, чтобы все продолжали заниматься своими делами. После этого он взял Ватолина и Кузнецова за рукава пиджаков и отвел на кухню, по дороге шепнув Федоренко:

– Продержи их тут четверть часа, любые вопросы задавай, поправдоподобней только...

Миша сообразил, что начальство желает лично осмотреть тело и чтобы при этом дисовцы не присутствовали. Он живо поставил на плиту чайник со свистком, вытащил диктофон и повернулся к Ватолину как старшему по званию:

– А скажите мне, любезный Георгий Иванович, когда, при каких обстоятельствах вы в последний раз видели покойного Ракитского. Сколько продолжалась ваша встреча, о чем вы говорили, во что он был одет, присутствовал ли там кто-то еще, а также все остальное, что сочтете нужным сообщить.

Ватолин усмехнулся, уловку эту он, конечно, разгадал сразу, но не возражал. Он подошел к кухонному шкафчику и достал из него вместительную турку:

– Валентин Николаевич терпеть не мог растворимый кофе и меня к натуральному приучил.

Федоренко оценил этот шаг. Ватолин сразу, без колебаний показывал, что в доме этом он бывал не раз и с покойным состоял в отношениях неформальных. Кузнецов сидел на табуретке ровно, по-армейски, но в то же время и расслабленно, без нагрузки на позвоночник.

– Как, кстати, в ДИСе узнали о смерти Ракитского? – поинтересовался Миша, наблюдая за манипуляциями с туркой и молотым кофе.

– Позвонили из милиции, – объяснил Кузнецов. – Сосед, который вместе с сантехником труп обнаружил, знал, где Валентин Николаевич работал, и посоветовал туда сразу позвонить.

– Сантехник? – удивился Миша. – Как это – сантехник труп обнаружил?!

– Да вы не знаете, что ли, ничего еще? – удивился в свою очередь и Кузнецов. – Накануне вечером Ракитский вызвал сантехника, его залили соседи сверху.

Федоренко машинально поднял голову и сразу же увидел на высоком лепном потолке свежие потеки. Действительно залили.

– Сантехник пришел в десять утра, позвонил, никто не ответил, тут заметил, что дверь не заперта, ну дальше понятно. Он, как Ракитского увидел, перепугался – и сразу к соседям.

На кухню вошел хмурый Турецкий, взял Мишину чашку с кофе, выпил в три глотка.

– Значит, такая фигня, Михаил. Возьми у товарищей офицеров их координаты и проводи их к машине, ты мне нужен.

Кузнецов с Ватолиным без лишних возражений встали и пошли к выходу. Но Федоренко тут же шепнул Турецкому на ухо пару слов. Тот немедленно изобразил на своей физиономии подобие улыбки.

– Георгий Иванович, – придержал он Ватолина за рукав, – давайте все же не будем время терять и лишние телодвижения потом... Пока не приехала дочка Ракитского... Вы, видимо, не раз бывали в этой квартире, верно? Не могли бы вы сейчас пройти по ней с моим помощником и попытаться припомнить, чего здесь теперь не хватает?

Ватолин так же молча развернулся в обратном направлении, а Кузнецов без звука сел на первый попавшийся стул.

Ну и выучка, подумал Турецкий, железные ребята, нам бы таких.

Подозреваемым номер один пока что оставался сантехник Василюк. Подозреваемым номер два – сосед Ракитского по фамилии Андреев. Все это, конечно, было курам на смех, но только эти двое умудрились оставить в квартире Ракитского немыслимое количество отпечатков пальцев, иных (помимо самого Ракитского, разумеется) там не нашлось.

Валентин Николаевич Ракитский был обнаружен мертвым в собственной спальне между 10.05 и 10.12. Когда его нашли, он лежал поперек кровати, лицом вниз, в халате и носках, у него были немного влажные волосы, – наверно, недавно принимал душ. В затылке у него зияла приличная дыра от пистолетного выстрела, сделанного, скорее всего, с близкого расстояния. Пуля вышла через переднюю часть лица, мало что от него оставив, и застряла в стене, превратившись в бесформенный комочек свинца.

Едва глянув на него, Турецкий решил, что калибр не меньше девяти миллиметров. Выстрела никто в доме не слышал, незнакомых подозрительных и неподозрительных – входящих и выходящих из дома – тоже не видел. А впрочем, и некому особо: лавочки возле подъезда нет, бабульки там не сидят.

Но самое странное, что из квартиры, переполненной иконами и картинами, исчезла, по словам соседа Ракитского – профессора Андреева, картина работы неизвестного художника, постоянно висевшая в спальне. То же самое сказал и полковник Ватолин. В спальне имелся встроенный в стену сейф, но его содержимое оказалось нетронутым, во всяком случае, там лежали рисунки Василия Кандинского – по словам Ватолина, самая ценная часть коллекции Ракитского, а также тринадцать с половиной тысяч долларов и пистолет Макарова (кстати, те же девять миллиметров) с патроном, засланным в ствол. Но магазин у пистолета был неполный. Имел ли к дырке в голове своего хозяина этот ствол какое-то отношение, пока было неизвестно. Лежал же он там, как можно было догадаться, по очень понятной причине: если хозяина силой вынуждают открыть сейф, то с готовым к бою пистолетом, который при известной сноровке оттуда можно выхватить, у него появлялся шанс.

В сейфе был кодовый замок «дибл», который можно открыть только в определенный интервал времени, а если в него не попасть, то неминуемо срабатывает сигнализация. Справиться с ним обычными медвежатниковскими средствами, не производя при этом шума, вообще нереально, открыть можно, только зная время. И вся квартира Ракитского тоже стояла на сигнализации. Однако никаких сигналов на милицейский пульт не поступало. Это, правда, еще ни о чем не говорило: Федоренко позвонил на пульт и выяснил, что Ракитский включал сигнализацию крайне редко, два-три раза в месяц.

Изогранный замок во входной двери, тоже системы «дибл», так же как и сейф, следов взлома или отмычки на себе не имел. Возможно даже, что Ракитский сам пустил убийцу в квартиру. А возможно, и нет. Значит, либо у убийцы был свой ключ, либо Ракитский его знал и не удивился его приходу. Если это не сантехник и не сосед, предположил Турецкий, то он человек крайне осторожный и аккуратный. Никто из остальных опрошенных соседей не видел утром посторонних людей, заходивших в подъезд и тем более звонивших в квартиру Ракит-

ского. Но с другой стороны, не было и свидетелей, которые могли бы утвердительно заявить, что они наблюдали за дверью в упомянутую квартиру хотя бы с половины десятого до десяти утра.

Дело со всех сторон представлялось мало того что абсолютно глухим, так еще и каким-то на редкость дурацким. На кой черт, спрашивается, надо было выносить какую-то говенную картинку из хаты, под завязку упакованной гораздо более ценными вещами?! Значит, там было что-то еще, про что не знали ни Ватолин, ни сосед Андреев, ни даже дочка убиенного хозяина. И оно исчезло.

19 октября

Ольга Ракитская опоздала всего минуты на две, не больше, что красивым женщинам в вину не ставится, даже если это опоздание в Генеральную прокуратуру.

Турецкий быстро оценил вошедшую в его кабинет молодую женщину: очень эффектная, выше среднего роста, каштановые волосы до плеч, лицо покрывает ровный загар, глаза некрасивые – не плакала, голос ровный. Дочь разведчика.

Из-за неплотно прикрытой двери дочь разведчика провожал потрясенным взглядом Миша Федоренко. Турецкий закрыл дверь и галантно усадил даму в свое кресло.

– Александр Борисович, а вы кто? – без обиняков спросила Ольга Ракитская. – В смысле звания там, должности?

– Государственный советник юстиции третьего класса, ну и старший следователь, разумеется, Управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры.

– Папа круче был, – вздохнула Ракитская.

– Но у меня еще все впереди, – пообещал Турецкий. – Хорошо, Ольга Валентиновна, что вы прилетели сразу же, едва узнав о случившемся.

– Не надо отчества... Сразу прилетела? А как же иначе? – Ольга повела плечом, и Турецкому стало не по себе от этого чисто женского жеста. Это свидетель, сказал он себе, спокойно, просто свидетель.

– А, я понимаю, – говорила тем временем Ольга. – Вы о матери моей говорите, да? Что, она не приехала до сих пор?

Турецкий помотал головой.

– Ну а вы удивляетесь, конечно, да? Вроде уже сутки прошли и из Питера ходу всего ничего, да? Так не удивляйтесь. Если сразу не прилетела, теперь не скоро дождетесь.

– Не понял.

– Значит, у нее очередной рецидив.

– Все-таки лучше сами объясните, Оля, о чем вы сейчас говорите, – так мы время сэкономим.

– Просто она алкоголичка, – сообщила Ракитская о собственной матери без особого сочувствия. – Хорошо еще, что муженек – доктор, вот он и следит и, как только она с катушек слетает, тут же в клинику укладывает.

– И давно это?

– Да лет десять уже с перерывами. В которых она ведет очень насыщенную жизнь, каковая нам с вами, гражданин следователь, и не снилась!

Однако, подумал Турецкий.

– Началось все, когда отец из заграницы насовсем вернулся. Пока он там был, она, видимо, как-то держалась, а потом – все. Кроме того, она в последние годы его отсутствия роман со своим доктором закрутила, ну вот за него потом и замуж вышла, когда отец развод дал. Здесь можно курить?.. Спасибо.

– Значит, все эти десять лет ваша мама прожила в Ленинграде, то есть в Санкт-Петербурге. Простите, я уже много лет так говорю и никак не привыкну...

– Да... Странно. – Ракитская пристально посмотрела на него. – Знаете, ведь отец точно так же говорил, а потом поправлялся и извинялся.

– Ну это понятно, он все-таки человек старой закалки.

– Нет-нет, вы ошибаетесь. Он был очень... как это сказать... диалектичен, что ли. Он не был закрыт ни для чего нового. Но он говорил, что ведь и так все Ленинград еще в советские времена Питером называли. Все не все, но те, кто хотел этого, – точно. Так зачем же, мол, менять? Поверьте, несмотря на свою профессию, папа был дружелюбный человек и очень открытый по отношению к тем людям, с кем в данный момент поддерживал отношения. Какая-то тавтология получилась, но вы меня поняли, наверно. Мне кажется, это черта разведчика-нелегала. Никому не доверяет, зато уж если с ним кто выйдет на связь...

– Я верю вам, Оля, почему же нет? – удивился Турецкий.

– Надеюсь, что это так. Потому что это важно. Кстати, насчет Питера, папа из-за границы иногда интересные книги привозил (начальство сквозь пальцы смотрело, или просто ему можно было, уж не знаю), но это я потом уже поняла, в детстве-то не сильно внимание обращала. Ну и лет пятнадцать тому у нас дома появился томик Таржевского, слышали такое имя? Ну и напрасно, он был камергер и чиновник в правительстве при Витте и при Столыпине и оставил в эмиграции очень интересные мемуары. А что самое забавное – был наш родственник. Да-да, отцу кто-то там по материнской линии, так что через седьмую воду на киселе мы потомственные дворяне. Представляете, генерал-лейтенант ДИС Ракитский – столбовой дворянин?! – Ольга нервно расхохоталась.

Турецкий придвинул стакан с водой, но она не обратила внимания:

– А недавно Таржевского и у нас издали. И я наконец прочитала – отцовская-то книжка давно потерялась, – что, когда Николай II Санкт-Петербург в Петроград переименовал, все столичное общество в ужас пришло от такой, видите ли, дурновкусыцы. Им тогда это тоже здорово не понравилось. А Таржевские, из которых бабка папина произошла, кстати, тоже знатные коллекционеры были, передвижников поддерживали, если вам интересно. Так что, может, это у нас гены такие.

– Спасибо, пока достаточно. Оля, а вы знакомы с коллегами отца, скажем, с подполковником Кузнецовым?

– Формально. – У Ракитской чуть дрогнули ресницы.

– А с полковником Ватолиным?

– С дядей Жорой? Конечно, я его с детства знаю. Он меня Masse всяких вещей научил, на коньках кататься, в волейбол играть, в бильярд, в пинг-понг, он вообще большой спец по части всякой физкультуры и медицины, с ним по поводу здоровья хорошо советоваться.

Кажется, барышня рада возможности говорить о другом человеке, подумал Турецкий.

– Он был другом семьи?

– Не совсем точное определение. Он всегда был подчиненным отца и в таком же качестве, по-моему, и у нас дома себя чувствовал. Хотя папа всегда был подчеркнуто демократичен, но дядя Жора не забывал свое место. Хотя временами, мне кажется, они бывали очень близки.

– В чем это выражалось?

– В жестах, в интонации, трудно объяснить. Папа говорил, что Ватолин очень способный и когда-нибудь обязательно сделает выдающуюся карьеру.

– Похоже, этого не случилось, – заметил Турецкий.

– Не знаю. Меня все их звания, должности, регалии не слишком занимали. Меня тогда больше трогало, что Ватолин в маму был влюблен.

– Вот как?

– Так мне казалось. Детские фантазии, – невесело засмеялась Ракитская. – Потом, конечно, оказалось, что я это выдумала. Просто он опекал нас, пока папы не было. Очень трогательно. Знаете, за город возил, по театрам, выставкам всяким. А я их терпеть не могла.

- Значит, ваш отец дружил с Ватолиным?
- Пожалуй... Хотя нет, нельзя так сказать.
- Странно как-то вы отвечаете: то да, то нет. У него вообще были близкие друзья?
- Просто я вслух размышляю. Были ли у него близкие друзья? Насколько это возможно.

Он с соседом по лестничной клетке вот последние годы приятельствовал. Они и в молодости как будто много общались, а потом разошлись. Ну как разошлись, – поправились Ракитская, – папы же не было тут годами, но вот лет пять последних снова дружили.

- Вы профессора Андреева имеете в виду?

– Да.

- А вы с ним хорошо знакомы?

– Не так чтобы очень. У меня слишком насыщенное детство было – математическая школа, музыкальная школа, бассейн. Домой затемно возвращалась.

Итак, подумал Турецкий, у Ракитской, вероятно, есть что-то связанное с Кузнецовым, возможно роман, он ее старше едва ли на несколько лет. О Ватолине она говорит равнодушно, ее сведения... да какие там сведения, оборвал он себя, скорее, ее эмоции подтверждают то, что удалось на настоящий момент собрать своими средствами в этом направлении.

- Оля, последние годы вы жили отдельно от отца?

– Да, последние пять лет. Он купил мне двухкомнатную квартиру в Сокольниках. Преду-преждаю ваш следующий вопрос: живу я там одна. У меня был что-то вроде мужа, мы вместе учились когда-то, но все давно закончилось, года четыре уже, никак не меньше. Этот человек, облегчу вам жизнь, в область ваших поисков вряд ли попадет, он микробиолог, работает в Штатах, в Бостоне – если не ошибаюсь.

- А на Кипре вы с кем были?

– Просто знакомый.

– Если уж вы действительно готовы облегчать мне жизнь, – улыбнулся Турецкий, – то не меняйте своего решения, будьте последовательны. Нам ведь все равно придется отрабатывать весь ваш круг общения.

– Пожалуйста, – пожала плечами Ракитская. – Моего друга зовут Виталий Феликсович Капустин. Он тренер по фитнесу. Тридцать девять лет. Из Подмоскovie, хотя нет, вру, он уже давно в Москве живет.

- Точный адрес?

– Цимлянская улица, двадцать два, квартира десять. Телефон 231-88-66.

- Расскажите о нем подробней.

– Где мы познакомились и все такое?

– Если можете – буду крайне признателен.

– В спортивном клубе «Люкс» познакомились, три месяца назад, он там работает.

– Стоп. Как давно вы ходите в спортивный клуб «Люкс»?

– Ну не помню уже, тоже сколько-то там месяцев. Если хотите, можете сами у них узнать, они же такие вещи фиксируют.

- Как вы туда попали?

– Да просто друзья посоветовали, сказали, что это то, что мне надо. Как все новое в вашей жизни бывает? Что-то где-то увидел, прочитал, услышал, присоветовали...

– В моей жизни, – вздохнул Турецкий, – все новое исходит от генерального прокурора. В лучшем случае – от его заместителя. Ладно. Сколько дней вы пробыли на Кипре и где именно?

– Одиннадцать дней. В городке, который называется Кирения. На Средиземном море, разумеется. Отель «Растиньяк», четырехзвездочный, если вам это интересно, отнюдь не шикарный, но райское место. Если бы вы там бывали, то сразу поверили бы, что мы оттуда никуда не выезжали.

- Я бывал там, – не отказал себе в удовольствии соврать Турецкий.

- В самом деле? – мило улыбнулась Ракитская.
- Что это я несу, подумал Турецкий, и главное – на кой хрен?!
- А скажите, Виталий Феликсович Капустин все это время был с вами?
- Разумеется! Каждый день и каждую ночь! – с некоторым вызовом сообщила Ракитская.
- И вернулся в Москву тоже вместе с вами?
- Да.
- Ваш отец был знаком с господином Капустиным?
- Его уже в чем-то подозревают?
- Нет, просто проверяют. Отвечайте, пожалуйста.
- Один раз папа видел его, когда ко мне заезжал. Месяц назад примерно.
- И каков был результат?
- Виталий отцу не понравился. Но отцу ни один мой мужчина не нравился, тут вы ничего не выжмете.
- Вероятно, вы правы, это естественная реакция. – Турецкий на секунду представил себя в роли Ракитского – все-таки дочь растет, потом откинул эти мысли прочь, лет пять еще смело можно не волноваться. – Оля, у вас есть ключ от квартиры отца?
- Конечно.
- Как давно он у вас появился?
- Значит, так. Отцу установили новую дверь года полтора назад. Значит, около года. Я как-то заболела, – объяснила Ракитская, – воспаление легких, и он забрал меня к себе. Тогда и ключ мне выдал. Только я им так ни разу и не пользовалась.
- Как это может быть?
- Да так вот вышло. Когда болела – в постели валялась, не выходила. А потом я к отцу приезжала, только когда он сам дома был, а иначе что мне там было делать?
- Турецкий задумался. Поискал взглядом свой мобильный телефон – он был на подзаядке, лежал на подоконнике.
- Оля, извините, я сейчас. – Он вышел в соседний кабинет, к Федоренко. Тот допрашивал сантехника, обнаружившего Ракитского. Турецкий молча взял у Мишки со стола мобильный и вышел в коридор. Позвонил Грязнову:
- Слава, как ты думаешь, если свидетель утверждает, что ключом от дверного замка никогда не пользовались, если это дубликат, который просто где-то хранился на всякий случай, можно определить, открывали им все-таки дверь или нет?
- Это только специалист скажет, – хмыкнул Грязнов. – А ты что, еще один ключ нашел?
- А постой, там же «дибл» этот чертов, да?
- Ну...
- Это отдельная история, пляши, тебе повезло.
- Если ключ не серийный, а кустарный, то на нем будут следы от первых десяти открытий двери. По сути, это не ключ даже, а отмычка.
- Почему только десяти? А потом?
- А потом бороздка слетит, новый надо будет делать.
- Ты уверен?
- Абсолютно.
- Турецкий походил еще по коридору. Странно. Что же Ракитский, такой прожженный волк – не знал, что дает дочери ключ, который только на ограниченное время годится? Хотя нет! Это как раз его и устраивало – ключ на время болезни дочери, но не больше. Возможно, так. Турецкий вернулся в свой кабинет. Спросил осторожно:
- Оля, где ваш ключ сейчас?
- Я не понимаю, что все это значит?!
- Пока что просто разговор. Ответьте на вопрос.

– Он... он... – Она потеряла переносицу, вспоминая. – У меня дома.

– Вы не носите его на одной связке со своими ключами, ключами от машины?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я там редко бываю. Устраивает?

– Вполне. Если вы не носите ключ с собой, значит, когда вы были на Кипре, ключ оставался в Москве, верно?

– Ну да.

– Вы не будете возражать, если мы возьмем его на экспертизу? Сами понимаете, такие процедуры необходимы, просто чтобы сузить круг поисков. Мой сотрудник потом съездит с вами к вам домой и...

– Хорошо-хорошо. – Ракитская досадливо махнула рукой.

Это было уже что-то. Дело в том, что всего час назад Турецкому стало известно: изощренный замок во входной двери в квартиру Ракитского делался по личному заказу хозяина и ключ к нему прилагался только один. Разумеется, это раскопал Мишка Федоренко – путем неформального контакта с подполковником Кузнецовым в пивной «Три медведя» на Беговой. Ракитский, профессиональный разведчик, не относился к категории людей, которые что-то где-то теряют или забывают, ему было достаточно одного ключа. Но выходит, во время болезни дочери Ракитский позаботился об изготовлении дубликата. Тогда кто знает, сам ли Ракитский открыл дверь своему убийце? Может, у того был собственный ключ. К сожалению, гениальный специалист по замкам, услугами которого пользовался Ракитский, знаменитый Иван Христович Запискин, проработавший в техническом отделе КГБ, а потом – ФСБ добрых четыре десятка лет, пять месяцев назад скончался после шестого инфаркта.

– Оля, а что вы знаете о картине, которая пропала из спальни? Ватолин сказал, что там картина висела.

– Думаю, что ничего. Меня уже спрашивали. – Ракитская нервно стряхнула пепел мимо пепельницы. – Я не помню там картины.

– Вы хотите сказать, что ее там не было? – удивился Турецкий.

– Может, и не было, мне, знаете ли, теперь плевать на это, – резковато заявила Ракитская, и Турецкий заметил, что красивое лицо ее чуть побледнело.

– Я понимаю ваши чувства и, поверьте, глубоко вам сочувствую. Но... вы ошибаетесь. У меня есть заключение экспертизы: пыль на обоях в участке пятьдесят на семьдесят сантиметров носит совсем другой характер, чем на остальных открытых участках стены. Это косвенная улика, но ее достаточно, чтобы подтвердить слова Ватолина: там действительно что-то висело. Ну и гвоздик, в конце концов...

– Гвоздик?! – завопила вдруг Ракитская. – Гвоздик?! Да засуньте вы его... – С этими словами эффектная шатенка, дочь разведчика и будущий кандидат биологических наук схватила стакан с водой, который предлагал ей Турецкий, и швырнула ему же в лицо.

Тут уместно сделать небольшое отступление, и пусть пока эффектная блондинка и следователь Генпрокуратуры замрут, словно в стоп-кадре, в своих экспрессивных позах. Дело в том, что стаканы в кабинете у Турецкого вообще-то долго не задерживались, и причины тут бывали разные: то посиделки со Славой Грязновым, выливавшиеся в нечто малопредсказуемое, то собственная неуклюжесть хозяина кабинета, но так или иначе это была какая-то напасть – суровые граненые стаканы выходили из строя, словно надувные шарiki. Но когда в подчинении у Турецкого появился Мишка Федоренко, он подал неожиданную идею, рационализаторский смысл которой заключался в том, что если перейти на стаканы из стекла гораздо более тонкого, хрупкого и деликатного, то это может привести к нужному результату, а именно: в подкорке государственного советника юстиции третьего класса (равно как и его собутыльников) подспудно засядет более бережное отношение к государственному имуществу, каковым, между

прочим, стаканы и являются. И надо сказать, идея сработала, за последние четыре месяца не случилось ни единой стеклопотери!

Теперь отпустим стоп-кадр и пусть стакан летит куда собирался, как это ни печально – изменить что-либо уже невозможно. На Турецкого еще никогда не нападали в собственном кабинете, возможно, поэтому он оказался к такому повороту событий не готов. Стакан врезался «важняку» острым краем в правую бровь и даже, как показалось обоим присутствующим, на некоторое время там застрял. Но нет, он, разумеется, упал на пол. А вслед за ним рухнула и Ракитская. Она упала на спину, мелко затряслась, что-то замычала, а бросившийся к ней Турецкий увидел, как из некрасиво искривившегося красного рта у нее выступает белая слюна.

А через несколько секунд ворвавшийся в кабинет Федоренко просто обомлел, поскольку картина, представшая его взору, была действительно незаурядной: его любимый начальник навалился на женщину, у которой лицо было залито кровью, и при этом еще изуверски запикивал ей в рот какой-то металлический предмет. На самом деле, кровь это была самого Турецкого, она лилась из рассеченной брови, а металлический предмет – ложка, которой Турецкий пытался прижать Ольге Ракитской язык к небу. Это было все, что он знал об эпилепсии.

Стакан, кстати, так и не разбился, Федоренко был прав.

«...Немного позже я расскажу о моей дальнейшей работе в ЮАР, а пока хочу особо остановиться на вопросе профессионализма, да простит читатель мою настойчивость. В данном случае речь не о специальной подготовке разведчика: высочайшие требования к ней вряд ли вызывают сомнения у людей самых далеких от разведки. Не бывает лишних знаний – вот что я утверждаю и хочу подкрепить этот тезис примером из личной практики. События, о которых я собираюсь рассказать, происходили в ГДР в сентябре – октябре 1983 года. (Специально по просьбе издателя, признаю, что в это же время работал там нынешний глава Российского государства, мы были знакомы, но не более, под моим началом он никогда не служил, несмотря на слухи по этому поводу. Этика разведчика не позволяет добавить что-либо к сказанному.)

Однако возвращаемся к нашему повествованию: стержнем мировой политики в указанный период оставался польский кризис. Кто одержит верх: Лех Валенса или Войцех Ярузельский – революционное движение «Солидарность» или партийно-административная машина? После четырех лет противостояния предсказать исход по-прежнему было невозможно, чаши весов уравнились, и каждая из сторон пыталась склонить их в свою пользу (между прочим, под «сторонами» я подразумеваю отнюдь не «Солидарность» и польское правительство, пусть не обижаются на меня поляки, но судьба их родины решалась не на гданьской судоверфи и не в высоких варшавских кабинетах). Идеологический штаб «Солидарности» – если строго придерживаться военной терминологии, – его оперативный отдел, располагался в Мюнхене в европейском бюро радио «Свобода». Внедрение туда наших сотрудников и налаживание плотного потока информации представляло задачу стратегической важности. Однако подобрать человека, способного выдержать все проверки и быстро выдвинуться на высокие посты, было отнюдь не просто. С одной стороны, он должен быть личностью широко известной, – таким образом, кадровые разведчики сразу же отпадают, с другой стороны, известен он должен быть в первую очередь своими диссидентскими взглядами, и, наконец, надежность его не должна вызывать сомнений. По ряду причин мною было принято решение не прибегать к услугам кого-либо из внештатных сотрудников «Штази», и вообще к помощи немецких коллег (я останавлиюсь на этом далее). Примерно за год до описываемых событий в поле зрения Первого Главного управления КГБ в ГДР попал журналист Мариуш Ковалевский. Его отец, Тадеуш Ковалевский, был участником войны, полковником Войска Польского, а мать, Эмма Мадер, уроженка Дрездена, – преподавателем немецкого языка и литературы в средней школе. Они познакомились и поженились в 1946 году, а после выхода Тадеуша Ковалевского в отставку в 1955-м семья переехала в ГДР. С 1978 года Мариуш Ковалевский работал корреспондентом

том журнала «Ди Вельт» в Варшаве. Он был человеком необыкновенно общительным (только в Польше поддерживал отношения более чем с полутысячей знакомых), с ярко выраженной склонностью к авантюризму.

После двух месяцев наружного наблюдения и всесторонней проверки в январе 1982 года Ковалевский был завербован в Дрездене – во время отпуска он приехал навестить родителей. Он пошел на контакт с первого раза и после непродолжительных раздумий дал согласие на нелегальную работу в ФРГ, без какого-либо прессинга с нашей стороны. Позже, беседуя с ним лично, я убедился, что психологический расчет был точен: деятельность агента-нелегала в полной мере соответствовала характеру и склонностям Мариуша Ковалевского. Он был человеком решительным, не боящимся риска, легко сходился с людьми, обладал великолепной памятью и неплохими аналитическими способностями. Но на его окончательное решение повлияла не упомянутая мной авантурная жилка, не жажда вкушать романтику разведки: убеждения Ковалевского отличались прагматизмом, даже скорее цинизмом. Я уверен, дело тут в честолюбии: ощущение тайного превосходства над окружающими, причастности к большой политике – вот что двигало им в первую очередь.

По возвращении в Варшаву, согласно разработанному плану, Ковалевский, ранее демонстративно дистанцировавшийся от политики, в беседах с многочисленными знакомыми начал высказывать крайне антикоммунистические взгляды. Причиной «прозрения» послужили неприятности с отцом, свидетелем которых он стал во время отпуска. Какой-то «мерзавец» написал на Тадеуша Ковалевского анонимный донос: якобы он неприкрыто поддерживает Валенсу и даже перечислил месячную пенсию в поддержку «Солидарности». Ковалевский-старший был вызван в военкомат, ему заявили, что до выяснения всех подробностей он будет получать минимальную пенсию, примерно вдесятеро меньше положенной ему по закону, как участнику войны и полковнику в отставке. «Народ ГДР не собирается кормить холуев империализма, каковы бы ни были их бывшие заслуги!» – небрежно бросил ветерану безусый лейтенант. Хочу напомнить, что если донос был частью операции, то действия немецких коллег, не посвященных в ее план, хоть и соответствовали нашему прогнозу, остаются целиком на их совести. Постепенно Мариуш Ковалевский сблизился с некоторыми активистами «Солидарности» в Варшаве и к Первомайским праздникам написал публицистическую статью, широко разошедшуюся в самиздате. Выдержки из нее цитировались во время многочисленных антиправительственных митингов. Вечером 1 мая по анонимному сигналу на квартире Ковалевского был произведен обыск и найдены черновики крамольной статьи. Он был арестован и после недели допросов выслан из страны. 28 мая в Дрездене состоялся суд. Мариуш Ковалевский был осужден на полтора года условно за деятельность, порочащую честь гражданина ГДР. По решению суда у него был отобран паспорт и выдано временное удостоверение личности РМ-12, налагающее ограничение на свободу передвижения (в частности, на посещение гастрономических магазинов). Кстати, несмотря на все свои полномочия, я так и не смог выяснить, по чьей инициативе в Уголовный кодекс ГДР была введена эта «мера пресечения».

Суд, как мы и рассчитывали, не остался незамеченным западными средствами массовой информации. В течение следующей недели радио «Свобода» в выпусках новостей трижды упомянуло о процессе над Мариушем Ковалевским. Правительство ФРГ по традиции заявило протест и высказало предложение «выкупить» журналиста. В восьмидесятые это была широко распространенная практика. К примеру, лица, задержанные при попытке нелегального перехода границы, при отсутствииотягчающих обстоятельств осуждались на полтора года. Если дело приобретало широкий резонанс, правительство ФРГ выплачивало за них штраф, и по истечении срока заключения им предоставлялась возможность выехать в Западную Германию на постоянное место жительства. Таким образом, за полгода подготовительной работы журналист Ковалевский превратился в «известного диссидента», которому обеспечена блестящая карьера на радио «Свобода» и, весьма вероятно, в ЦРУ его легенда способна была выдержать

самую тщательную оперативную проверку, дело оставалось за малым: переправить его через Берлинскую стену, не вызвав подозрений у БНД. Для максимальной правдоподобности было решено контакты с Ковалевским свести к минимуму и помощь в пересечении границы ему не оказывать. Замечу для справки: за 28 лет существования Берлинской стены с 13 августа 1961 по 9 ноября 1989-го ее успешно преодолело 3915 человек, то есть в среднем один переход каждые два дня, так что для человека склада Мариуша Ковалевского это не представляло невыполнимой задачи, зато могло послужить отличной школой нелегальной работы. Ковалевский написал заявление в районное отделение милиции, указав, что после суда отношения в семье обострились, и просил разрешения переехать на временное место жительства в Каролинненгоф – восточный пригород Берлина, – где проживает его двоюродный дядя по материнской линии Юлиус Мадер.

Дядя был начальником трамвайного депо и членом СЕПГ с многолетним стажем, его благонадежность, в отличие от благонадежности Тадеуша Ковалевского, не вызывала сомнений. В первых числах августа Мариуш получил разрешение на переезд, устроился разнорабочим в котельную и начал искать связь с «проводниками» в западный сектор Берлина. 8 сентября он сообщил, что нашел группу, собирающуюся прорыть подкоп под стеной в районе улицы Ораниенбургхаус. В состав группы входили еще трое: студентка Кристина Шуман, начальник Ковалевского, инженер теплосети, он же в прошлом известный легкоатлет Рудольф Поварницке, и его дед Йозеф Поварницке. Последний как раз проживал на улице Ораниенбургхаус, подкоп было решено вести прямо из его дома. Однако после двух дней интенсивной работы выяснилось, что почва под фундаментом каменистая и максимальная скорость, с которой они смогут продвигаться – тридцать – сорок сантиметров в сутки, а преодолеть предстоит порядка сорока метров, кроме того, следовало учесть, что Шуман – девушка весьма хрупкого телосложения, Йозефу Поварницке восемьдесят четыре года, а Рудольф при великолепных физических данных страдает клаустрофобией и не может долго находиться в тесном, замкнутом пространстве. В итоге львиная доля работы выпадала на долю Ковалевского, который и без того по восемь часов в день был занят тяжелым физическим трудом, а с одиннадцати вечера до шести утра, как условно осужденный, не имел права покидать квартиру, что строго контролировалось – ежевечерне милицейский наряд посещал его по месту жительства и, не ограничиваясь формальной проверкой, опрашивал соседей о времени его прихода и ухода. Когда стало ясно, что быстро прорыть подкоп не удастся – а каждый день промедления чреват разоблачением, – Рудольф Поварницке впал в истерику, призывая отказаться от первоначального намерения и выдвигая совершенно фантастические прожекты вроде перелета через стену на воздушном шаре. Ковалевскому, который и сам пребывал далеко не в идеальном состоянии, с трудом удалось привести его в чувство.

Ситуация усугублялась тем, что за два дня Рудольф воспылил страстью к Кристине Шуман, которую знал с детства, и постоянно ревновал ее к Ковалевскому, что делало обстановку абсолютно невыносимой.

Тут следует оговориться: все подробности мне известны только со слов Ковалевского, и я не могу утверждать, что он не давал Поварницке повода для ревности. Более того, я почти уверен: он специально подтрунивал над вспыльчивым, неуравновешенным инженером в обществе его юной знакомой, чего более опытный разведчик в подобной ситуации ни в коем случае себе не позволил бы. Как бы там ни было, операция оказалась на грани срыва.

Что же было делать?

Я попросил Ковалевского передать нам образцы грунта. Тщательно изучив их, я пришел к выводу, что скальные породы подходят к поверхности узким выступом и поблизости от фундамента с высокой долей вероятности залегает песчаник. Конечно, нам ничего не стоило это проверить, но тогда секретность, которую я полагал важнейшим залогом успеха операции, была бы нарушена. Ковалевский воспользовался моей подсказкой, и действительно, под заброшен-

ным сараем и далее до самой стены почва оказалась песчаной. Дело пошло споро, хотя копали только Кристина Шуман и престарелый Йозеф Поварничке. Рудольф наблюдал за движением патрулей и при их приближении подавал землекопам знак прекратить работу: любой шум мог привлечь внимание пограничников. По соображениям конспирации Ковалевский больше не наведывался на улицу Ораниенбургхаус: к нему было приставлено наружное наблюдение.

И вот через пятнадцать дней подкоп был готов, и не в последнюю очередь благодаря тому, что по назначению были применены мои знания горного геолога и большой опыт геологоразведочной работы в ЮАР. (К слову, раз уж я вынужденно упомянул вначале о нынешнем президенте РФ, теперь добавлю в скобках: в 1996 году он защитил кандидатскую диссертацию в Санкт-Петербургском горном университете.)

И все же, сказать, что в 1983-м «лишние» знания обеспечили окончательный успех операции, – значит погрешить против истины. 23 сентября наступил решающий момент: оставалось пройти около метра под линией заграждений. Ковалевский мог присоединиться к группе только ночью после милицмейской проверки. (Наружное наблюдение на ночь снималось.) Даже если бы кто-то из соседей немедленно известил милицию о том, что он вышел из дому в неурочное время, задержать его уже все равно не успели бы. Предательский удар последовал с другой стороны – в последний день Рудольф Поварничке сообщил в милицию, что ночью Ковалевский собирается принять участие в тайном собрании диссидентов. У подъезда Ковалевского ждала засада. Все оказалось напрасно. И группа ушла без него.

Менее чем через месяц – 17 октября – он пересек границу ГДР в автомобиле с двойным дном. Мариуш Ковалевский был очень перспективным агентом и успел передать информацию, ценность которой трудно переоценить.

Утро 21 февраля 1984 года врезалось мне в память. Просматривая в начале рабочего дня оперативную сводку, я отметил две новости. Первая приятно удивила меня: в Берлин с официальным визитом прибывает делегация Народной Республики Ангола во главе с министром внешней торговли товарищем Антониу Машаду. Мне довелось сидеть с этим человеком в камере смертников (я обязательно расскажу об этом), и я полагал, что он расстрелян. Вторая новость оказалась не столь оптимистичной: в Мюнхене на автостоянке, около здания, где размещалось радио «Свобода», сработало взрывное устройство (не следует путать с инцидентом, произошедшим ровно тремя годами ранее, 21 февраля 1981 года, когда штаб-квартира радио «Свобода» была взорвана швейцарским анархистом Бруно Брегетом), пятеро человек получили ранения, а один из них – Мариуш Ковалевский – скончался по дороге в больницу...»

Ракитская позвонила Турецкому вечером того же дня как ни в чем не бывало. Свидетели-эпилептики ему прежде не встречались, хотя вообще больных всех мастей ему за двадцать лет юридической деятельности попало уже немало, и статистика была такова, что если одна половина из них считала себя абсолютно здоровыми, то вторая – находящимися при смерти. Поэтому Турецкий на всякий случай аккуратно поинтересовался, как Ольга себя чувствует, но она не обратила на этот вопрос ни малейшего внимания.

Слава богу, что в Генпрокуратуру «скорая помощь» приезжает несколько быстрее, чем к рядовым гражданам, – все обошлось благополучно. Правда, еще до ее приезда Турецкий обнаружил на запястье Ольги медный браслет с надписью «Epilepsia». Еще там был выбит номер телефона. Турецкий, не колеблясь, по нему позвонил, и правильно сделал – это оказался сотовый телефон личного врача Ракитской. Он приехал на пять минут позже «скорой», не отключая по пути телефон и расспрашивая Турецкого о подробностях, заодно давая элементарные инструкции, а именно: обеспечить больной доступ свежего воздуха, приподнять голову и пр. Заодно он просветил Александра Борисовича, что эпилепсия Ольги Ракитской является не самостоятельным заболеванием, вроде генуинной эпилепсии, а симптоматическим, случившимся вследствие травмы головного мозга, полученной ею в шестнадцатилетнем возрасте в

дорожно-транспортном происшествии. А еще сообщил суточную дозу карбамазепина, необходимую Ракитской.

– Да вы за кого меня принимаете вообще? – заорал распереживавшийся Турецкий. – Приезжайте скорее и сами колите чего надо.

– Мне кажется, – сказала Ольга Турецкому по телефону, – утром вы спрашивали меня о чем-то, и я не успела ответить. Или я это придумала? У меня немного голова побаливает, я могла что-то спутать.

– Вы это не придумали, у вас хорошая память. Речь шла о картине, которая исчезла из квартиры вашего отца. Вы говорили, что не помните, чтобы в спальне висела картина.

– Вообще-то... вообще-то, может, и была там какая-то мазня, но где точно она висела – не скажу, не помню.

– Это и не требуется, мы сами знаем, где она висела. А вы помните, Оля, что на ней было изображено, на этой мазне?

– Берег реки, пустая лодка, закат... что ж еще... в речке небо отражалось, людей там не было, это точно.

– Это была акварель или, может, масло?

– Понятия не имею.

– Но как же нам ее идентифицировать?

– Господи, да какое это имеет значение?!

Турецкий не стал объяснять, что имеет, и немалое. Знать, какая картина пропала, – значит знать, что искать. А если найти этот пейзаж, то можно выйти и на людей, которые его похитили, а значит, скорее всего, – на убийцу.

– Может, хоть подпись художника там стояла? Художники – народ тщеславный, они же подписывают свои картины обычно.

– Ну наверно.

– Не помните?

– Какая разница, Александр Борисович? Вы что, сможете по подписи человека определить, это же несколько букв всего?! Не Ван Гог же!

– Не раздражайтесь, Оля, в моей работе невозможно заранее предположить, что окажется важным. Какие буквы там были?

– Ян.

– «Я» и «н»?

– Ну да.

– То есть имя – Ян. Так?

– Да не знаю я! Александр Борисович, вы придете на похороны?

– Постараюсь, Оля, постараюсь.

20 октября

День начался неудачно, пришлось заехать в автосервис, заедал ручной тормоз. Чтобы скоротать время, Турецкий, не выходя из машины, позвонил помощнику:

– Что расскажешь?

– Только что прочитал новости в Интернете, – поделился Федоренко. – Оказывается, красивая женщина – это настоящий наркотик! Ученые раскопали.

– Они, похоже, хотят развеять последние романтические иллюзии, – заметил Турецкий, вспоминая Ольгу Ракитскую. Впрочем, пока что у него особо не было времени, чтобы ее забыть.

– Точно! Оказывается, красивые женщины, еда и наркотики воздействуют на одну и ту же зону мужского мозга. И хлеб, и зрелища (в смысле – созерцание прекрасной незнакомки), и доза кокаина – это все одно и то же, по большому счету.

– Не морочь мне голову и давай отчет по поводу автомобиля Ракитского. Готов?

– Всегда готов. – Это действительно было так, и в этом Турецкий не сомневался. Этот увалень, его помощник, успевал все на свете.

Но обыск машины Ракитского (двести тридцатый вишневый «мерседес» в отличном состоянии), стоявшей в гараже-ракушке в двадцати метрах от его подъезда, ничего не дал. По словам дочери, Ракитский никогда в машине ничего и не держал (имелись в виду записные книжки и прочие мелочи, которые помогают восстановить индивидуальный портрет их владельца и групповой – его окружения), по крайней мере, вспомнить она ничего подобного не смогла. В салоне не оказалось ни посторонних отпечатков пальцев, ни единого клочка бумаги в бардачке, ни монеты, завалившейся между сиденьями, – все было идеально и стерильно. Машина была куплена Ракитским полтора года назад, обслуживалась по старой памяти в гараже ДИС знакомым механиком Севастьяновым. К. И. Севастьянов показал, что виделся по этому поводу с Ракитским всего три или четыре раза. В серьезные аварии этот «мерседес» не попадал, а водитель Ракитский, по общим отзывам, был превосходный. Полковник Ватолин сказал Турецкому, что, по некоторым, гулявшим по ДИСу преданиям, в Африке у Ракитского был подержанный армейский «хаммер» и якобы с тех пор по любой нормальной дороге он мог проехать хоть с завязанными глазами и не расплескав блюдце с молоком. Видимо, с этой стороны жизни Ракитского – с автомобильной – ничего интересного Турецкому раскопать было не суждено. Отрицательный результат – тоже результат.

На похороны первоначально Турецкий ехать вообще не собирался, возможно, отправил бы Мишку, но теперь – деваться некуда – официально приглашен, и негоже отказываться. В этой связи стоило организовать глобальное наблюдение за всеми, кто приедет на Ваганьковское кладбище. Тем более любопытно будет потом отследить, как на него самого, «важняка» Генпрокуратуры, отреагируют.

Турецкий договорился с Грязновым, и спустя несколько часов Слава перезвонил и с гордостью сообщил, что в «операции» (хм) примут участие около тридцати (!) человек. По дороге у Турецкого свербела в голове одна лишь бесполезная мысль: что же такого могло исчезнуть из квартиры Ракитского, чего не заметили ни Ватолин, ни сосед, ни даже дочка?! А бесполезной мысль была по определению: Турецкий усмехнулся – если бы он умел такие ребусы разгадывать, то работал бы не в прокуратуре и даже не в Генпрокуратуре, а где-нибудь на эстраде, там это получше оплачивается.

Пора наконец с Ватолиным побеседовать. Или лучше прежде с Кузнецовым? Или с обоими разом? Нет, глаз не хватит, решил Турецкий. Сперва – с Кузнецовым. Если к нему ниточка от Ольги намечается, то не стоит и время терять. Хотя с чего он, Турецкий, это вообразил? Интуиция, что ли, пресловутая? А что есть интуиция? Ну допустим, постижение истины путем непосредственного ее... усмотрения, ха-ха, без обоснования с помощью доказательства. Да еще, как говорит Мишка Федоренко, субъективная способность выходить за пределы опыта путем мысленного схватывания, то бишь озарения. А говорит Федоренко это, кстати, глядя в энциклопедический словарь.

Турецкий давно заметил, что, когда ему случается посещать какие-нибудь похороны, непременно, вне зависимости от времени года, идет дождь. Этот случай был не исключением: моросило с утра, и потому в середине дня весь город был в зонтах, и те, кто приехал на Ваганьковское кладбище, – тоже. На самих похоронах оказалось человек пятьдесят. Турецкий подумал, что если предположить, что тридцать человек из наружки затерялись непосредственно среди них, то хороша выходит картина. Но не мне Славу учить, одернул себя Турецкий, наверняка ребята знают, что делать и как себя вести.

Еще было достаточно рано, но небо заволокло настолько, что сильно потемнело, поэтому, когда навстречу Турецкому вышла фигура в бежевом плаще, он не сразу понял, что это Ракит-

ская. Она молча подошла вплотную, вытащила руку из кармана, прикоснулась к пластырю повыше левой брови Турецкого, еле слышно прошептала:

– Простите меня, пожалуйста...

– Забудьте немедленно, – сказал Турецкий и взял ее под руку.

Похороны были как похороны, с обычными в таких случаях словами, обычными жестами, телодвижениями и эмоциями. Турецкий не раз ловил себя на мысли, что то же самое, что человеку со стороны в таких случаях кажется затасканным, избитым, тем, кого это касается в первую очередь, представляется наиважнейшим, уникальным, драгоценным. Он искоса поглядывал на Ольгу, пытаясь уловить на ее красивом лице подтверждение этого тезиса, но оно было почти непроницаемым.

Президент не приехал, прислал зама главы своей администрации и еще каких-то пузатых чиновников. Ватолин и Кузнецов ничем не выделялись среди других дисовцев, которые по преимуществу и составляли основную массу. Турецкий поздоровался с обоими. Было еще несколько совсем дальних родственников генерала Ракитского, которых и Ольга-то сама толком не знала. Ее мать так и не смогла приехать. Турецкий звонил в Питер, переговорил с ее мужем и понял, что на этом можно поставить точку. Алиби у нее, по свидетельству питерских коллег, было железное, никаких контактов с бывшим мужем Левченко-Ракитская давно не имела, так что стоило вообще оставить ее в покое. Турецкому было вполне достаточно и дочери-эпилептики.

Дочь-эпилептика в ту самую секунду, когда Турецкий вяло завершал свою нехитрую мысль, шепнула ему несколько слов:

– А вы нашли желтый портфель?

– Почему желтый? – машинально удивился Турецкий, хотя там никакого портфеля не было – ни желтого, ни фиолетового в крапинку.

– Это подарок бывшего партнера по бизнесу, ван Хойтена, портфель из кожи кугуара. Он обычно на стуле висел, прямо при входе, там такой высокий стул стоит, с резной спинкой.

Турецкий хорошо помнил этот стул. Он сидел на нем и, несмотря на свои сто восемьдесят сантиметров, даже близко не доставал макушкой до края спинки. Никакого портфеля на стуле не было.

Аудиозапись допроса Василюка Афанасия Петровича, 1954 года рождения, произведенного следователем Генеральной прокуратуры Федоренко:

«Вопрос. Ваше место работы и должность.

Ответ. Ну так сантехник же я, сказано уже! ДЭЗ № 34, пропади он пропадом.

Вопрос. Вы первым обнаружили тело Ракитского?

Ответ. Получается так.

Вопрос. Расскажите, как это было.

Ответ. Да чего рассказывать?! Я за расчетом пришел. Зарплату второй месяц волынят, а мне шурин хорошее местечко присмотрел, на Маршала Бирюзова, в новых домах сантехнику отлаживать, там работа сдельная, но на несколько месяцев хватит. Оно конечно, там трубы с краниками, заграницные, да ничего, справлюсь.

Вопрос. Не отвлекайтесь. Вы пришли за расчетом.

Ответ. Ну. Пришел, а там Мишка Пономарев – разрывается, пятнадцать вызовов у него на участке в тот день было, ну попросил помочь, за ним, мол, не заржавеет, ну я и взял на себя генерала этого да еще несколько квартир...

Вопрос. Откуда вы знаете, что Ракитский был генерал?

Ответ. Так не первый раз ведь уже. Бывал я у него. Дом-то старый, горячая вода из крана не бежит, на колонках газовых все маются. Ну а Николаичу я как-то финскую устанавливал, с полгода назад, ну и разговорились, известное дело...

Вопрос. И что же он вам, назвал свое звание, где работает, объяснил?

Ответ. Да не, какой там! Пока я в ванной возился, к нему крендель какой-то приехал. Ну и давай растекаться: товарищ генерал-майор то, товарищ генерал-майор это...

Вопрос. Точно он говорил «генерал-майор»? Не генерал-лейтенант?

Ответ. Вроде майор.

Вопрос. Ио чем они говорили?

Ответ. Сперва о картинах базар шел. Чего-то Шишкин-Мишкин, в таком роде.

Вопрос. Точно о картинах?

Ответ. Ну.

Вопрос. Может, Кандинский?

Ответ. Чего?

Вопрос. Фамилию такую не называли – Кандинский?

Ответ. Не. А что, бывает такая фамилия?

Вопрос. Ничего точнее припомнить не можете?

Ответ. Ну еще об жидах трепались.

Вопрос. То есть о евреях?

Ответ. О них.

Вопрос. И что конкретно?

Ответ. Да сколько времени прошло, как же я вспомню... и потом, я в ванной, они – на кухне, кофий пить изволили.

Вопрос. Почему же вы помните, что о евреях говорили?

Ответ. Ну имя такое все время называли... запоминающееся. И они его очень долго обсуждали – все время, пока я с колонкой возился.

Вопрос. Имя было еврейское?

Ответ. Ну да.

Вопрос. Мужское?

Ответ. Ну.

Вопрос. Не помните?

Ответ. Не-а.

Вопрос. Абрам?

Ответ. Может, и Абрам.

Вопрос. Но не Абрам?

Ответ. Вроде нет.

Вопрос. Моисей? Соломон?

Ответ. М-мм...

Вопрос. Не помните?

Ответ. Похоже. Очень похоже.

Вопрос. Какое именно? Какое похоже?

Ответ. Да все, все похожи. Поди различи.

Вопрос. Вот черт. Ну какие еще имена есть? Борух какой-нибудь? Исаак?

Ответ. О! Вроде это.

Вопрос. Исаак, точно?

Ответ. Ну. Че, он убийца, что ли?

Вопрос. Не знаю, не знаю. А в тот день, кроме вас троих, в квартире никого не было? И дочери Ракитского в тот день случайно дома не было?

Ответ. Не помню такого. Да я ее вообще не видал ни разу.

Вопрос. Ясно. Человека, который называл Ракитского генералом, вы сможете опознать?

Ответ. Да нет, конечно! Я его и не видал-то толком! Только вот, запомнил, картавил он сильно.

Вопрос. Картавил?

Ответ. Ага! Я, может, потому и запомнил, что о евреях говорили, что так все сошлось. Да, точно, точно картавил.

Вопрос. А сам этот разговор вы не помните?

Ответ. Да не понял я ни хрена, говорю же, сперва вроде о картинах, а потом слова какие-то пошли, я таких и не слышал, так что и задумываться перестал. Да и работу к тому времени закончил... Так я не понял что-то... мне рассказывать, как труп нашел или нет?

Вопрос. Да-да, обязательно!

Ответ. Ну пришел я, вызов к десяти был, но пока мы с Пономаревым договаривались, то да се – опоздал я, конечно. Наверно, минут на десять. Пришел, позвонил...

Вопрос. Вы на лифте поднимались?

Ответ. А то. Лифт там знатный, старинный и не ломается никогда, зараза, я даже спецом интересовался. Вот, позвонил – не открывают. Долго звонил – без толку все. Потом вспомнил, что за вызов был – залили же квартиру. Я наверх тогда поднялся, позвонил, но там тоже не открыли. Тогда я снова на шестой, к генералу, только смотрю: дверь неплотно притворена. Ну я и зашел, чисто чтоб хозяину об этом сказать. В коридор захожу, и точно – на потолках разводы...

Вопрос. Секундочку. Дверь с самого начала была приоткрыта, когда вы первый раз звонили, или только когда сверху спустились?

Ответ. Вот тут не скажу, не посмотрел. Но думаю, сразу. Потому что если бы кто из хаты выходил, я бы слышал с верхнего-то этажа. А так тихо было, нет, вряд ли. Ну зашел – никого, покричал – то же самое. Потом смотрю – сигнализация-то отключена. Значит, хозяин, думаю, заснул или в отключке – знамо дело. Пошарился по комнатам, пока до спальни не добрел, смотрю – ну точно, спит же мужик. Я кричу: «Николаич, Николаич!» Но он не откликается, потом смотрю – лужа на полу. Я сначала решил: с сердцем плохо или что, опохмелиться вовремя не поднесли, – темно же там было. Форточку открыл, шторы раздвинул – тут уж все разглядел.

Вопрос. Ладно, это все. Давайте, я отмечу ваш пропуск... Значит, господин Василюк, вы сантехник, да?

Ответ. Да.

Вопрос. И зовут вас Афанасий Петрович...

Ответ. Ну сколько можно?!

Вопрос. А жена как вас зовет, не Афоней, случайно?

Ответ. Ну а если и так? Да чего смешного-то?!

Все-все, идите, свободны... ох, не могу...»

Грязновские соглядатаи ничего важного и интересного на похоронах не высмотрели. Ну и ладно, Турецкий теперь не слишком по этому поводу переживал. Очевидно, главное событие, которое там, на кладбище, могло произойти и произошло, – то, что Ольга вспомнила про портфель. Желтый портфель из кожи кугуара. Кугуар – это же пума, кажется? Был, помнится, такой детский фильм – «Приключения желтого чемоданчика». Ну и где, спрашивается, он теперь путешествует, этот подарок ван Хойтена? Ван Хойтен в середине семидесятых был руководителем йоханнесбургского филиала «Де Бирс консолидейтед майнс» – крупнейшей алмазной корпорации планеты, а двадцать лет спустя открыл собственную ювелирную фирму. Ракитский же был знаком с ним еще в ЮАР, поскольку работал там нелегально в семидесятые под видом канадского бизнесмена.

Такую справку Турецкий из ДИСа с помощью подполковника Кузнецова получил без промедления, а раз так, значит, ван Хойтен для расследования бесполезная фигура. То, что в Департаменте иностранной службы ведут собственное следствие, Турецкий не сомневался,

разве что это делается неофициально и всю эксклюзивную информацию они, конечно, зажмут, чтобы раньше Генпрокуратуры добраться до убийцы Ракитского.

– Это мы еще поглядим, – сказал Турецкий Кузнецову.

После того как с Кузнецовым попил пива его помощник (причем, на взгляд Турецкого, совершенно безрезультатно), Турецкий и сам пригласил его поужинать в ресторане «Пушкин» (именно с твердым знаком на конце). Когда-то самого Турецкого в это заведение на Тверском бульваре первый раз привел знакомый фээсбэшник.² На первом этаже там было кафе, на втором и на антресолях – ресторан. Причем в ресторан можно было подняться не только на своих двоих – имелся там старинный лифт с кружевным лифтом. Все, что на настоящий момент Турецкий знал про Кузнецова (со слов того же Мишки Федоренко), – то, что пиво «Хайнекен» он предпочитает «Балтике». Ну и немудрено.

Вообще же Антон Николаевич Кузнецов производил несколько странное впечатление. С одной стороны, он явно старался Турецкому понравиться, с другой – умудрился ни на один четко поставленный вопрос конкретно не ответить. Как кадровый разведчик, он должен был отдавать себе отчет в том, как он в таком случае выглядит.

– Скажите, Антон, что вы думаете об Ольге Ракитской, не правда ли весьма эффектная женщина?

Кузнецов ничего на это не ответил, вытер руки салфеткой.

– Как вы понимаете, я пригласил вас не для того, чтобы обсуждать с вами нюансы вашего романа с ней, – продолжал блефовать Турецкий, – и все-таки некоторые...

– Значит, он принес это дело домой, – пробормотал Кузнецов.

О чем это он? Турецкий, чтобы не выдать своего замешательства, схватил вовремя доставленную чашку кофе.

– Вот уж не думал, что оно сохранилось, – усмехнулся Кузнецов. – Хотя какое это теперь имеет значение... Ну да, в свое время Ракитский распорядился установить за мной наружное наблюдение. Причем слежка велась так нарочито, чтобы я не мог этого не заметить. Но мне казалось, что никаких материалов по этому поводу уже не существует, что он их уничтожил. Выходит, нет?

– А Ольга знала об этой слежке? – игнорируя вопрос, поинтересовался Турецкий. Кажется, он начал понимать, в чем тут дело.

– К счастью, нет.

– Как и когда Ракитский узнал о том, что у его собственной дочери роман с его подчиненным?

– Я не знаю, – сознался Кузнецов. – Оля умоляла меня быть осторожным и никак себя не выдавать. Она почему-то очень не хотела, чтобы отец догадался. Так что для меня самого это было загадкой.

– По чьей инициативе произошел разрыв?

– Вы же сказали, что пригласили меня для других целей, или это не так?

– Я должен установить ваше алиби. Для меня в данном случае оно должно состоять в отсутствии мотива. Допустим, отец запретил своей дочери такой мезальянс, как роман с его подчиненным. Чем не мотив для отвергнутого любовника? В порыве гнева – ну и все такое...

– Издеваетесь?! – прошипел Кузнецов. – Да это же два года назад было!

Ну вот я и выяснил дату, удовлетворенно отметил Турецкий. Два года, а спокойно он говорить о ней до сих пор не может, что бы это значило?

...Пока его помощник допрашивал сантехника Василюка, Турецкий изучал заключения экспертов, сверял со своими собственными наблюдениями. По-честному, следов было кот

² См. роман Ф. Незнанского «Поражающий агент».

наплакал. Если вообще что и было существенного – сантехник с соседом успешно все это затоптали и залапали.

Ознакомившись с допросом сантехника, Турецкий задумался. Обедать он не стал, потому что для этого было уже достаточно поздно, ограничился очередными двумя чашками кофе. Позвонил домой, поболтал с дочкой, потом позвонил жене на работу, чтобы она сама его не дергала. После этого отключил оба телефона, и рабочий и сотовый, и положил перед собой чистый лист бумаги.

Поскольку Ракитский ко времени разговора «об Исааке» был уже в отставке и был генерал-лейтенантом, значит, он общался с человеком, который не знал обстоятельств его отставки. Значит, это был не коллега, не человек из ДИСа или ФСБ, знающий о его нынешнем статусе пенсионера, а тот, кто, вероятно, принимал за действующего... действующего...

Действующего кого?

Разведчика?

Дипломата?

Или бизнесмена?

Теперь выясняется, что у Ракитского была еще одна ипостась: после выхода в отставку он, по словам дочери, занимался тем, что ловил рыбу, и еще ей казалось, что последнее время отец работал в каком-то банке, несмотря на то что на прямые ее вопросы об этом не отвечал. В его желтом портфеле, как считает Ольга, и хранились документы, связанные как раз с этой деятельностью ее отца.

А подслушанный сантехником разговор... Нет, ну на кой черт бизнесмену называть Ракитского по его воинскому званию?! Дома у Ракитского нашлось тридцать две (!) визитных карточки банковских служащих различного уровня. Среди них были и президенты, и простые клерки, четыре раза повторялся Инкомбанк, три раза – Сбербанк России, дважды – ГУТА-банк. На них Турецкий и возлагал наибольшие надежды, но как оказалось – совершенно напрасно. По роду своей деятельности Ракитский мог иметь дело с кем угодно, а работал он во Внешторгбанке. Выяснил это Мишка Федоренко. А помог ему здесь Илья Скобелев, программист из Инкомбанка, один из тех, чья визитка нашлась дома у Ракитского. Скобелев был уникальный специалист в своем роде и некогда, еще в начале девяностых, привлекался ДИСом для некой сложной, многоэтапной проверки предполагаемых счетов в офшорных зонах. С тех пор Ракитский и Скобелев были знакомы. В феврале текущего года Ракитский позвонил ему и предложил хороший контракт – речь шла о работе сродни той, которую Скобелев выполнял для ДИСа. Они даже не встречались, для двух таких деловых и отвечающих за свое слово людей вполне достаточно было телефонных переговоров. Потом Ракитский звонил программисту еще дважды: уточнить некоторые технические детали – реквизиты проверяемых банков во Франкфурте и в Лондоне. Скобелев пользовался беззвучным определителем номера собственной конструкции и не отказал себе в удовольствии зафиксировать аппарат Ракитского. Все три раза Ракитский звонил с одного телефона. И вот теперь этот телефон был и у Турецкого. Им оказался номер одного из телефонов Внешторгбанка.

Если Ракитский скрывал этот факт буквально ото всех – от недавних своих коллег, от дочери, от соседа-приятеля, – значит, тут могло скрываться нечто немаловажное. И Турецкий решил до поры до времени об этом помалкивать, дабы исключить утечку, таким образом, о работе Ракитского во Внешторгбанке знали только двое: он да Мишка Федоренко.

Кстати, а почему вообще «разговор об Исааке» имеет какой-то сакральный смысл? Может, это был рядовой разговор, обычный треп, базар, мало ли может накопиться у человека знакомых на седьмом десятке лет? Но ведь речь шла о картинах, «Шишкин-Мишкин»... Связь или не связь? Возможно, косвенное, возможно, опосредованное, но какое-то отношение к про-

исшедшему этот разговор вполне мог иметь. Все-таки картинку какую-то у Ракитского сперли. Ну пусть сантехник запомнил только имя, можно проверить знакомых Ракитского...

А мог, допустим, сам сантехник убить Ракитского, потом выкинуть пистолет? Кстати, куда? После появления оперативников его обыскали и, кроме четвертинки «Пшеничной», ничего в его чемоданчике с инструментами и в одежде не нашли? А в мусоропровод?!

Турецкий даже привстал.

А, шиш там. Старый дом, какой, на фиг, мусоропровод, там мусор вручную выносят наверняка. Но проверить надо.

Турецкий поскреб лоб незаточенной стороной карандаша и написал на листе:

«1. Выяснить инициалы всех людей, с которыми Ракитский контактировал последние 7–8 месяцев. Выделить из них человека по имени Исаак.

2. Выяснить дату, когда сантехник Афоня менял в квартире Ракитского колонку.

3. Совместить эти сведения.

4. Проверить мусор, исходящий из дома в Плотниковой переулке, на предмет выброшенного оружия.

5. Выяснить, что означали буквы «я» и «н» на пропавшем из квартиры Ракитского пейзаже. А также – чьей кисти была эта картина».

Потом он включил телефон и позвонил Мишке. Тот появился с некоторым опозданием, зато с термосом и бутербродами.

– В доме Ракитского есть мусоропровод? – спросил Турецкий.

– Если бы, – вздохнул Федоренко. – Насчет пушки, да? Нет, он ее с собой унес. Кстати, уже есть заключение экспертизы по поводу оружия.

– «Макаров»?

– Какой «Макаров»? – не понял Федоренко.

– Тот, что в сейфе у Ракитского.

– Это как же, Сан Борисыч, – прищурился Мишка, – на самоубийство намекаете? Типа сперва генерал себе полбашки снес, а потом, как человек железных правил, пистолет аккуратно в сейф уложил и запереть не поленился?

– Ладно, поскалься, поскалься, – пробурчал Турецкий. – О самоубийстве я не заикался, это ты уже для красного словца. Так что, разве не из его пушки засандалили, не из «Макарова»?

– Не-а. Это называется «Джерихо-941».

– Что еще за хренотень, какое там «жерихо»?! – удивился Турецкий. – Индейское какое-то слово. Не пистолет прямо, а томагавк какой-то.

– То-то и оно. Конструкция была разработана американской фирмой «Магнум Рисеч» на основе чешского пистолета CZ-75 и продана корпорации «Израиль милитари индастриз». Магазин на пятнадцать патронов. Жуткая вещь. Ими агенты «Моссада» пользуются. В сводках московских и петербургских происшествий за год такое оружие ни разу не упоминается, представляете?! Ни разу!!! Хотя у нас, как известно, всякого хватает. Завтра еще будет информация по стране, Вячеслав Иванович обещал помочь.

Турецкий вдруг подумал, что президент в бытность своей работы в органах вполне ведь мог в ГДР одновременно с Ракитским работать. А если так, то они наверняка были знакомы. Все-таки в Восточной Германии наши чувствовали себя достаточно вольготно, и вряд ли у Ракитского там была такая же суровая конспирация, как в ЮАР. И если догадка эта верна, тогда по-человечески прозрачным и понятным становится неожиданное решение президента о передаче расследования гибели генерала в Генпрокуратуру. Говорят, что президент никогда не забывает ни своих врагов, ни друзей.

– Что у тебя там булькает? – кивнул Турецкий на термос.

– Шиповник. Мне Ирина Генриховна запретила вас кофеем поить. Сказала только если с молоком и из маленькой чашечки. Но вы же так не умеете.

Турецкий вздохнул и пожевал бутерброд. Кивнул Мишке на бумагу с четырьмя пунктами. Тот прочитал все в пять секунд и тут же взмолился:

– Сан Борисыч?! Вы себе это представляете вообще? В контакте с Ракитским наверняка сотни людей были, если не тысячи!

Турецкий ответил что-то с набитым ртом, понять было невозможно, но Федоренко и так знал, что это значит:

– Чтобы исключить накладку и гипотетическое попадание в задницу.

21 октября

С утра в конторе состоялся неприятный разговор с Меркуловым. Собственно, разговора никакого не было. Меркулов совершенно справедливо (внутренне Турецкий не мог этого не признать) отчитал своего приятеля и подчиненного за полное отсутствие следственно-розыскных мероприятий. Объяснения в том роде, что непонятно, кого и, главное, где искать, не принимались.

Турецкий разозлился и решил пока что проводить в конторе как можно меньше времени, но до вечера все равно пришлось просидеть в кабинете, перекладывать бумажки. Позвонил Грязнову:

– Славка, что делаешь?

– Пистолет твой дурацкий ищу.

– Он не мой.

– Ну израильский. Ты знаешь, кто им пользуется?

– Агенты «Моссада».

– Вот именно, представляешь, чем тебе это грозит?

– А чем? – заинтересовался Турецкий.

– Хорошей версией. Израильтяне уколошили русского контрразведчика.

– Он пенсионер был.

– Не надо ля-ля. Ты не хуже меня знаешь, что бывших в таком деле не бывает. Саня, если тут шпионские страсти, я тебе не завидую – ты меж десяти огней окажешься.

– Ладно, не каркай, скажи лучше, что раскопали.

– Ни-че-го. Ровным счетом. Вот же ж блин! За весь год по всей России ни единого случая применения такого оружия, разумеется, среди тех, что нам известны. Есть, правда, одно мутное дельце, калибр подходит, и некоторые элементы в сплаве со свинцом, но там пуля так деформирована оказалась, что точного заключения экспертиза не дала.

– Так разве бывает? – удивился Турецкий.

– Да сколько угодно. В котельной одной подмосковной вчера мужика замочили, а пуля насквозь прошла, ну и в топку попала, почти расплавилась. И труп пока что не идентифицировали, его тоже в топку засунули, почти не осталось ничего.

– А зубы?

– Зубы есть, а кто его стоматолог, откуда я знаю.

– Это где случилось, ты говоришь? – машинально спросил Турецкий, вспомнив почему-то, что в двух домах от того, где жил Ракитский, стоит котельная.

– Ну ладно, мы еще поковыряемся, – не ответил на вопрос Грязнов и дал отбой.

«...Вернемся, однако, в конец семидесятых, а точнее – в 1977 год.

Около года у меня ушло на восстановление авторитета фирмы, на возвращение ей позиций, утраченных из-за вялого руководства. Конечно, ван Хойтен неизменно оказывал мне свое покровительство, и, конечно, это сыграло не последнюю роль в том, что за столь короткий срок я приобрел определенный вес в деловых кругах Йоханнесбурга, завел полезные знакомства и получил заказ на геологоразведку на северо-западных границах ЮАР и на территории

частично оккупированной ЮАР Намибии. Ван Хойтен не забыл оказанной ему услуги, он умел быть благодарным. И хотя я имел широкие полномочия на общение с ним: в случае необходимости мог прибегнуть и к угрозам, и к шантажу, но мне ни разу не пришлось этого делать. Как деловой человек, ван Хойтен привык платить по счетам, и, очевидно, по его мнению, бизнес-услуги в виде рекомендаций и советов были мелочью по сравнению с благополучием дочери. Кстати, тогда в Антверпене убийцы трех наркоторговцев так и не были найдены, полицейские власти списали убийство на разборку двух мафиозных кланов. Наши ребята, как всегда, сработали безукоризненно.

Сразу оговорюсь.

Моя деятельность в ЮАР только отчасти носила экономический характер. Советское руководство природные богатства Юга Африки интересовали лишь постольку, поскольку они позволяли оказывать финансовую поддержку народно-освободительному движению в самых разных уголках Черного континента. В 1975 году Ангола стала независимым государством. Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА – партия труда) было близким по идеологии к марксизму и, придя к власти, установило с нашей страной тесные политические связи. Разумеется, когда УНИТА (Национальный союз за полное освобождение Анголы), подкармливаемая ЮАР и США, развязала войну против правящей МПЛА, Советский Союз оказал народному правительству Анголы военную помощь. Но помощи в вооружении и обучении ангольской армии было недостаточно для уверенности в окончательной победе. Необходима была информация о планах унитовцев и их союзников. В мою задачу входило налаживание отношений с юаровскими и американскими военными советниками с целью получения сведений военного характера. Кроме того, имея надежное прикрытие в виде заказа на геологоразведку, я мог достаточно свободно перемещаться по северо-западу ЮАР и Намибии и выявлять места дислокации секретных военных баз УНИТА. УНИТА базировалась и в мобутовском Заире, и правобережном Конго, но основные аэродромы, склады боеприпасов и крупнейшие военные лагеря располагались именно в Намибии.

Хочу подчеркнуть: мои путешествия по Намибии имели очень мало общего с увеселительными прогулками. Территория там контролировалась местечковыми князьками, вооруженными бандами иногда совершенно непонятной принадлежности. Местность вдоль ангольской границы, еще недавно безлюдная, кишмя кишела самым разномастным сбродом. Проще простого было нарваться в горах на отряд наемников, группу оборванных, одичавших старателей-одинок или просто банду головорезов, готовых ради хорошей машины или даже дешевых часов пойти на убийство, – и это при том, что карманы их зачастую были набиты алмазами.

«Де Бирс» официально покупала алмазы только у крупных горнодобывающих компаний, и поэтому старатели-одиночки вынуждены были сбывать их весьма сомнительным скупщикам практически за бесценок. Кстати, та же самая проблема рано или поздно возникла у военных консультантов и агентов ЦРУ. Через руки главарей унитовских бандформирований к ним попадали необработанные алмазы, выгодно реализовать которые было не так-то просто: начальство в Лэнгли не одобряло коммерческую деятельность своих офицеров. Вот именно на этом я и построил свой расчет. Пользуясь дружескими отношениями с ван Хойтеном, я мог продавать, как сейчас говорят, левые алмазы по официальным ценам – как будто найденные при геологоразведке – и соответственно предложить своим клиентам условия более выгодные, чем прочие скупщики. Заключив контракт на проведение геологоразведочных работ, я прибыл в Намибию с небольшой командой: геодезист, взрывник и двое рабочих. Я не знал секретных имен офицеров ЦРУ, которым мог бы предложить свои услуги, не имел подходов к унитовским полевым командирам и рассчитывал, что придется потратить немало времени на установление контактов.

Но удача улыбнулась довольно неожиданно.

Нашу машину задержали во время проезда через селение народности кованго. Некто, очевидно местный старейшина, требовал плату за пребывание на своей территории, и наши документы не произвели на него никакого впечатления. Мы застряли в этом селении на трое суток, и выбраться удалось только благодаря содействию Марка Спейси. Я быстро сообразил, что он агент ЦРУ: его американский английский язык значительно отличался от намибийского английского, да и вообще, в нем угадывался цивилизованный человек, привыкший к городской жизни. Хотя, как потом выяснилось, он и пробыл в Африке уже около двух лет, но так и не смог привыкнуть ни к климату, ни к отсутствию элементарных удобств. Спейси имел на старейшину кованго определенное влияние и убедил того отпустить нашу экспедицию с миром. Когда мы покидали деревню, он отозвал меня для небольшого разговора и, заметив, что цивилизованные люди в этой дикой стране должны помогать друг другу, без обиняков перешел к главному.

– Вы, кажется, ищите новые месторождения алмазов? – сказал он, хитро усмехаясь. – Я как раз знаю одно такое. Не слишком крупное, зато не требующее никаких материальных вложений в разработки.

Я, конечно, проявил заинтересованность.

– Я слышал, ваша фирма на хорошем счету в Йоханнесбурге. Поговаривают даже о вашей личной дружбе с ван Хойтеном... – Тут он предложил мне хлебнуть из своей фляжки (там оказалось отличное виски) и приложился сам. – Мы, возможно, даже встречались на какой-нибудь вечеринке, не все же время я кочую по медвежьим углам, иногда удается вырваться и в нормальное общество. В общем, я хочу сказать, что мы с вами, два белых человека, в этой черной пустыне можем говорить откровенно...

– Вы говорили о новом месторождении, – направил я его в нужное русло, уже понимая, что он имеет в виду, но еще не до конца веря в удачу.

– Да, новое месторождение... Оно у меня в лагере, в пятидесяти километрах отсюда, в сейфе, зарытом в укромном местечке.

Я тут же изобразил удивление и подозрительность, а Спейси поторопился мои подозрения рассеять:

– Это вполне легальные камни. Вы должны понимать, у меня тоже есть кое-какие связи, я мог бы и сам продать их. Но раз уж подвернулся такой случай, глупо его упускать, верно?

Я еще некоторое время делал вид, что подобного рода сделки меня мало интересуют, но Спейси точно знал, к кому обратился, и он меня дожал. Тут я вынужден прервать повествование, чтобы опровергнуть необоснованные обвинения в мой адрес, высказывавшиеся впоследствии людьми, не вникшими до конца в суть вопроса. Мне инкриминировали, что на сделках с алмазами я сделал себе состояние, работал ради наживы на два фронта и продавал агентам ЦРУ секретную информацию. Со всей ответственностью заявляю: никаких номерных счетов в европейских банках, никаких именных сейфов в Швейцарии с килограммами бриллиантов у меня нет! И никогда не было. Интересы дела этого не требовали, а иными я никогда и не руководствовался.

Да, это правда, что в Йоханнесбурге мне приходилось вести жизнь на широкую ногу, тратить значительные суммы на приемы, устраивать сафари для «друзей», партнеров по бизнесу и т. д. и т. п. Но следует понимать, что мне необходимо было создать себе имидж прожигателя жизни, человека азартного, отчасти даже развратного и уж во всяком случае – беспринципного и алчного, привыкшего сорить деньгами и готового ради денег и карьеры на многое, если не на все. Человека, близкого психологии американцев, человека, с которым агенты ЦРУ без опаски пускались бы в совместные аферы. Все мои расходы до последнего цента были отражены в отчетах руководству, и это несмотря на то, что проконтролировать их было практически невозможно, мало того, значительные суммы, вырученные мной на сделках с алмазами, передавались на счета АНК (Африканского национального конгресса). Об этом я тоже расскажу чуть позже.

Итак, мне удалось выгодно пристроить алмазы Спейси, и вскоре у меня образовалась небольшая, но зато солидная клиентура. Уже пятеро (!) офицеров ЦРУ сбывали мне камни. Иногда они приносили их в мой офис или прямо домой, иногда я сам в своих поездках по Намибии навещался в военные лагеря УНИТА. По-видимому, я пользовался у американских «поставщиков» полным доверием, мы неизменно пропускали по стаканчику виски, болтали о пустяках. Но из этой пустяковой болтовни мне всегда удавалось выудить толику ценной информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.